

Дочь священника

Автор:

Джордж Оруэлл

Дочь священника

Джордж Оруэлл

Дороти – дочь священника в провинциальном городке, целиком посвятившая себя делам, так или иначе связанными с церковью: ведёт финансовый учёт, убирается, посещает дома прихожан, изготавливает костюмы для спектаклей, которые проводятся с целью заработать денег на нужды церкви. Дороти верит в Бога, и вера насыщает её жизнь, отчего та уже не кажется такой монотонной.

Но однажды Дороти оказывается на улице в незнакомом месте и понимает, что потеряла память...

Джордж Оруэлл

Дочь священника

George Orwell

A Clergyman's Daughter

© АРДИС, перевод

Глава I

Когда будильник на комодке взорвался, как ужасная маленькая бомба из колокольного металла, Дороти, вырванная из глубин какого-то запутанного, тревожного сна, проснулась и, перевернувшись на спину, уставилась в темноту с чувством усталости во всем теле.

Будильник продолжал издавать ноющий, высокочастотный шум, который продолжался бы минут пять или около того, если его не остановить. У Дороти ныло всё тело, с головы до пят, и коварная, презренная жалость к себе, которая обычно охватывала ее, когда приходилось вставать утром, заставила спрятать голову под простыни и попытаться заглушить ненавистный шум.

Она, однако, не поддавалась усталости, и, как всегда, стала резко увещевать себя уговорами во множественном числе второго лица. Давайте, Дороти, вставайте! Пожалуйста, не спите! Притча 6:9.[1 - Притча 6:9 (Доколе ты, Ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна своего?)] Потом она вспомнила, что, если шум продолжится, он разбудит отца, и торопливым движением выскочила из постели, схватила будильник с комодка и выключила его. Будильник стоял на комодке именно для того, чтобы ей пришлось встать с кровати, дабы его выключить. Все ещё в темноте, она опустилась на колени у своей постели и произнесла «Отче Наш», однако довольно рассеянно, потому что ногам было очень холодно.

Была всего половина шестого, довольно прохладно для августовского утра. Дороти (ее звали Дороти Хэйр, и была она единственным ребёнком преподобного Чарльза Хэйра, пастора прихода Св. Этельстана, в Найп-Хилле, графство Саффолк) надела свой старенький байковый халат и стала на ощупь спускаться по лестнице.

Пахло пыльной утренней прохладой, влажной штукатуркой и жареными остатками вчерашнего ужина. С обеих сторон коридора на втором этаже доносился нестройный храп отца и Эллен, единственной служанки для всей работы по дому. Осторожно – поскольку кухонный стол имел неприятную особенность выпирать в темноте и бить по бедру – Дороти нащупала путь на

кухню, зажгла свечу на камине, и, все ещё изнывая от усталости, опустилась на колени и стала разгребать пепел.

Разжечь очаг на кухне было чудовищно сложно. Из-за изогнутого дымохода постоянно не хватало тяги, так что огню, прежде чем разгореться, нужен был стакан керосина, совсем как пьянице с утра глоток джина.

Чтобы подогреть отцу воду для бритья, Дороти поставила чайник, затем пошла наверх и начала готовить себе ванную. Эллиен все ещё храпела тяжелым молодецким храпом.

Она была хорошей работающей служанкой, когда бодрствовала, но при этом одной из тех девчонок, кого сам дьявол и все его ангелы не смогли бы поднять с кровати раньше семи утра.

Дороти наполняла ванную очень медленно – всплески всегда будили ее отца, если она включала кран слишком сильно – и постояла минуту, расценивая неприглядно тусклый резервуар с водой. Мурашки побежали у нее по телу. Ненавидела она эти холодные ванны; потому и придумала для себя такое правило, что будет принимать только холодные ванны, с апреля по ноябрь.

Опуская нерешительную руку в воду – а было ужасно холодно – она подгоняла себя обычными своими увещеваниями. Давайте, Дороти! Вперёд! Пожалуйста, не трусьте! Затем она решительно встала в ванную, села, и позволила ледяному поясу воды заскользить вверх по ее телу, и охватить ее всю, оставив лишь волосы, собранные и заколотые на затылке. Еще миг – и она вынырнула на поверхность, задыхаясь и извиваясь, и, не успев толком перехватить дыхание, вспомнила о своём «памятном листке», который она держала в кармане халата и собиралась прочитать. Перегнувшись через борт ванной, Дороти потянулась за листком и, по пояс в ледяной воде, при свете свечи на стуле, стала просматривать свой «памятный список».

Он гласил:

7.00 СП

Миссис Т малыш? Навестить

Завтрак. Бекон. Обязательно попросить у отца денег. (П)

Спросить Эллиен что для кух. тоника отца NB.[2 - N.B. – аббревиатура латинской фразы nota bene, означающей «обрати внимание». Используется для выделения важного пункта.] спросить что для занавесок у Солпайп.

Навестить Миссис П вырезка из Дэйли М чай Ангелика от ревматизма Миссис Л пластырь от мозолей

12.00 Репетиция Карл I. NB. Заказать полфунта клея 1 ведро алюминиевой краски.

Обед [зачеркнуто] официальный ланч...?

Разнести приходской Вестник NB. Миссис Ф задолжала 3ш.6п.

16:30 – Чай для С. Матерей, не забыть ткань на окна 21/2 ярда

Цветы для церкви NB. 1 банка полироли

Ужин. Омлет.

Напечатать отцовскую проповедь, что насчет новой ленты печатной машинки?

NB. прополоть горох вьюнок ужасный.

Дороти выбралась из ванной и стала вытираться полотенцем размером чуть больше столовой салфетки – в приходе никогда не могли позволить себе полотенца приличного размера. Волосы ее распустились и упали на плечи двумя тяжелыми каскадами. У нее были густые, прекрасные, чрезвычайно светлые волосы, и, возможно, совсем неплохо, что отец запретил ей постричься, так как волосы были ее единственной привлекательной чертой. Что до остального, то она была девушкой среднего роста, довольно худой, но сильной и стройной, а вот лицом она не вышла – худое, белёсое, неприметного типа, с белёсыми

глазами и слегка длинноватым носом – лицо было её слабым местом. Если присмотреться, можно было разглядеть морщинки вокруг глаз, да и рот, в спокойном состоянии, выдавал усталость. Определенно, у нее пока ещё не лицо старой девы, но очевидно приближение к таковому через каких-нибудь несколько лет. Тем не менее, посторонние часто давали ей меньше ее настоящего возраста (было ей около двадцати восьми) из-за выражения почти детской серьезности в глазах. Левое предплечье – все в красных отметинах, походивших на укусы насекомых.

Дороти снова надела ночную рубашку и почистила зубы – конечно, просто водой: лучше не использовать зубную пасту до Святого Причастия. В конце концов, либо постишься, либо нет. Римские католики совершенно правы, и... тут она внезапно запнулась и остановилась. Дороти отложила зубную щетку. Приступ страшной боли, острой, физической боли, пронзил ее всю изнутри.

Она вспомнила, стой отвратительной резкостью, с какой вдруг вспоминают первый раз о чем-то неприятном только что проснувшись, счёт от Каргилла, мясника, которому задолжали за семь месяцев. Этот ужасный счёт (должно быть, девятнадцать или даже двадцать фунтов, и не было даже самой отдаленной надежды оплатить его) был одним из главных мучений в ее жизни. Каждый час дня и ночи он поджидал ее в закоулках совести, готовый выпрыгнуть на неё, довести до агонии. А с ним вспомнились размеры других счетов, поменьше, складывавшихся в сумму, о которой она боялась даже думать.

Почти непроизвольно Дороти начала молиться, «Прошу тебя, Господи, не дай Каргиллу отправить этот счёт сегодня снова!» Однако в следующий момент она решила, что эта молитва искусительная и богохульная, и попросила за нее прощения. В надежде выбросить этот счёт из головы она надела халат и побежала вниз на кухню.

Очаг, как обычно, потух. Дороти переложила его, запачкав руки угольной пылью, заново сбрызнула керосином и, пока закипал чайник, беспокойно заходила по кухне.

Отец требовал, чтобы вода для бритья была готова в четверть седьмого. Уже через семь минут Дороти принесла воду наверх и постучала в отцовскую дверь.

– Входи, входи! – раздался глухой раздраженный голос.

Наглухо занавешенная шторами комната была душной, с застоявшимся мужским запахом. Свеча на тумбочке у кровати зажжена, и Пастор, лежа на боку, смотрел на золотые часы, только что вытащенные из-под подушки. Волосы у него были белые и густые как чертополох. Одним ярким чёрным глазом он раздраженно взглянул через плечо на Дороти.

- Доброе утро, папа.

- Чего мне действительно хотелось бы, Дороти, - неразборчиво заговорил пастор (голос его всегда звучал по-старчески глухо, пока он не надел вставные зубы) - так это, чтобы ты приложила какое-то усилие, и вытаскивала по утрам Эллен из кровати. Или уж сама становись пунктуальней.

- Простите, отец. Огонь на кухне уже разожжен.

- Очень хорошо. Поставь воду на тумбочку. Поставь же её и раздвинь шторы!

Было уже светло, но утро выдалось серым и облачным. Дороти поспешила в свою комнату, где оделась с быстротой молнии; она считала необходимым проделывать это по утрам шесть раз из семи. В её комнате было лишь крошечное квадратное зеркальце, но и им Дороти не воспользовалась. Она лишь повесила на шею золотой крест - простой золотой крест, без распятия, пожалуйста! - закрутила волосы в узел на затылке, воткнула в него несколько шпилек, довольно хаотично, и натянула на себя одежду: серый свитер, вытершующая твидовую куртку и юбку, чулки, не очень-то подходившие к куртке и юбке, и сильно изношенные коричневые туфли. Все это заняло около трех минут. Перед церковью нужно было ещё убратсья в столовой и в отцовском кабинете, не говоря уж о молитвах, которые необходимо произнести перед Святым Причастием, - а это занимало у нее не менее двадцати минут.

Когда Дороти выкатила велосипед через главные ворота, утренняя облачность не рассеялась и трава была влажной от обильной росы. Сквозь окружавший пригорок туман, как тяжелый свинцовый сфинкс, смутно вырисовывалась Церковь Св. Этельстана.[3 - Святой Этельстан (около 895-939 гг.) король Англии из Уэссекской династии. Современные историки считают его первым королём Англии и одним из величайших англосаксонских королей.] Ее единственный колокол гудел похоронным звоном - бу-ум, бу-ум, бу-ум! Сейчас активно использовался только один из колоколов, остальные семь ещё раньше были

сняты со своих мест и уже три года как молчаливо лежали, продавливая своим весом пол колокольни. Из тумана в низине неподалеку доносилось оскорбляющее слух брэнчание колокола Римско-католической церкви – отвратительной дешевой жестянки, которую Пастор церкви Св. Этельстана имел обыкновение сравнивать с возвещающим о трапезе колокольчиком.

Дороти взобралась на велосипед и, налегая на руль, быстро поехала вверх по холму. От утреннего холода переносица ее тонкого носа порозовела. Над головой посвистывала невидимая из-за сильной облачности красноножка. Ранним утром вознесётся к Тебе моя песня! Дороти прислонила велосипед к воротам ограды у входа рядом с кладбищем и, обнаружив, что руки её все ещё серы от угольной пыли, опустилась на колени и оттерла их дочиста высокой влажной травой, что росла между могилами. Тут перестал звонить церковный колокол, и Дороти вскочила и поспешно вошла в церковь как раз в тот момент, когда пономарь Проггет, в ветхой сутане и огромных рабочих ботинках, заковылял по проходу, чтобы занять место у бокового алтаря.

Церковь была очень холодной, с запахом свечного воска и застарелой пыли. Огромная, она была слишком большой для этого прихода, разорительной и более чем наполовину пустой. Три узких островка скамей растянулись лишь до середины главного нефа, а за ними – огромное пространство каменного пола, где лишь несколькими надписями отмечены места древних захоронений. Крыша над алтарем явно просела, а два фрагмента изъеденной балки рядом с коробкой для пожертвований без лишних слов доказывали, что произошло это из-за злейшего врага христианского мира жука-древоточца. Бледный свет фильтровали тусклые стекла окон. Через открытую южную дверь виднелся чахлый кипарис и посеревшие без солнца, слегка покачивающиеся ветви липы.

Как повелось, здесь была только одна прихожанка, престарелая мисс Мэйфилл из Грандж. Посещаемость в день Святого Причастия такая плохая, что Пастор не мог даже нанять прислуживать мальчиков, разве что для Воскресной утренней службы, когда мальчикам хотелось покрасоваться перед прихожанами в рясах и стихарях. Дороти прошла в ряд за мисс Мэйфилл и, каясь за вчерашние грехи, отодвинула подушечку и опустилась на колени прямо на каменный пол. Началась служба. Пастор, в сутане и полотняном стихаре, повторял молитву заученно быстро, но на удивление нескладно, хотя и ясно было, что зубы на месте. Его привередливое, старое лицо, бледное, как серебряная монета, хранило выражение отчужденности и даже презрения. «Да, это подлинное причастие», – казалось, говорил он, – «и моя обязанность донести его до вас. Но

не забывайте, что я священник, а не ваш друг. И как человек, я вас ненавижу и презираю». Прогет, пономарь прихода, сорокалетний мужчина с вьющимися седыми волосами и беспокойным красным лицом, с видом непонимания, но благоговения, терпеливо стоял рядом, взясь с маленьким колокольчиком, затерявшимся в его огромных красных руках.

Дороти прижала пальцы к глазам. Ей так и не удалось собраться с мыслями: и право, беспокойство из-за этого счета от Каргилла не оставляло её в покое. Молитвы, которые она знала наизусть, текли бездумно в ее голове. Стоило ей поднять глаза, как взгляд начал переходить с одного на другое. Сначала она посмотрела вверх, на безглавых ангелов у крыши, на чьих шеях сохранились следы пил солдат-пуритан. Потом взгляд ее вернулся назад, к черной шляпке в стиле «свиной пирожок» на мисс Мэйфилл, и к ее подрагивающим черным серьгам. Мисс Мэйфилл носила длинное слежавшееся черное пальто с маленьким, засаленного вида каракулевым воротничком, то самое пальто, которое всегда было на мисс Мэйфилл с тех пор, как Дороти её узнала. Пальто было из какого-то особенного материала, напоминавшего шелковый муар, но гораздо грубее, с черным рубчиком, образующим недоступный пониманию узор. Возможно даже, что сшито оно было не из чего иного, как из пресловутого легендарного черного бамбазина.[4 - Черный бамбазин – материал, использовавшийся для траурной одежды, но к началу двадцатого столетия вышедший из моды.]

Мисс Мэйфилл была очень старой, такой старой, что никто и не помнил ее иначе, как старухой. Она источала слабый запах, некий бесплотный запах, в котором можно было распознать одеколон, шарики от моли и лёгкий аромат джина.

Из отворота куртки Дороти вытащила длинную булавку со стеклянной головкой и незаметно, под прикрытием спины мисс Мэйфилл, вонзила острие себе в предплечье. Плоть содрогнулась. Дороти взяла себе за правило, стоило ей только поймать себя на отвлеченности мысли во время молитвы, сильно, до крови, прокалывать себе руку. Такова была выбранная ею самой форма самодисциплины, её защита от непочтительных, кощунственных мыслей.

С булавкой наготове ей удалось продержаться несколько минут, сосредоточившись на молитве. Отец неодобрительно скосил тёмный глаз на мисс Мэйфилл, которая крестилась в паузах, – такую практику он не одобрял. На улице защебетал скворец. Дороти вдруг с ужасом обнаружила, что не без тщеславия поглядывает на складки отцовского стихаря, который сама ему

сшила два года назад. Стиснув зубы, она вогнала булавку в руку на одну восьмую дюйма.

Опять встали на колени. Шла общая исповедь. Дороти опять подумала о глазах. Увы! Они вновь блуждали и остановились теперь на витраже справа, выполненном по проекту Сэра Уарда Туки в 1851 году, изображавшем святого Этельстана, которого у небесных врат приветствовал Габриэль со свитой ангелов, удивительно похожих друг на друга, и принц-консорт. И вновь острие булавки вонзилось в другое место на ее руке. Дороти стала старательно размышлять над каждой фразой молитвы и таким образом вернула своим мыслям надлежащий ход. Но даже после этого чуть было не пришлось воспользоваться булавкой еще раз: когда Проггет в середине фразы «И тогда со всеми ангелами и архангелами» звякнул колокольчиком, её, как обычно, посетило ужасное желание расхохотаться в этом месте. А всё из-за той истории, что однажды рассказал ей отец. Истории о том, что когда он был маленьким мальчиком и прислуживал священнику у алтаря, на колокольчике в том приходе был прикручивающийся язычок, который раскрутился, и поэтому священник тогда проговорил: «И тогда со всеми ангелами и архангелами, и со всеми силами небесными, мы восхваляем славное имя Твоё, славим навеки и говорим... ну вкрути же его, тупица, вкрути!»

Когда Пастор закончил освящение, мисс Мэйфилл очень медленно, с большим трудом начала подниматься на ноги. Она напоминала некое существо, составленное из разрозненных деревяшек, которое теперь пытается собраться воедино, испуская при каждом движении запах шариков от моли. При этом раздавался какой-то скрипучий звук, вероятно, от её корсета, но походил он на звук, который издают кости, когда трутся одна о другую. Можно было подумать, что под черным пальто скрывается один лишь сухой скелет.

Дороти немного задержалась на месте. Мисс Мэйфилл продвигалась к алтарю медленными, нетвердыми шажками. Она едва могла идти, но предложи ей сейчас помощь, она отвергла бы ее с горькой обидой. На ее древнем, бескровном лице рот казался на удивление большим, расслабленным и влажным. Отвисшая с возрастом нижняя губа слюняво выдвинулась вперед, обнажая полоску десны и ряд вставных зубов, желтых, как клавиши старого фортепиано. На верхней губе – бахрома тёмных влажных волос. Рот неаппетитный – явно не захотелось бы смотреть, как им пьют с тобой из одной чашки. Внезапно, спонтанно, словно здесь распорядился сам дьявол, у Дороти сорвались с языка слова молитвы: «О Господи, не дай мне испить из чаши после мисс Мэйфилл».

В следующий же миг она с ужасом осознала значение сказанного и пожалела, что не откусила себе язык вместо того, чтобы допустить такое богохульство на ступенях алтаря. Вновь вытащила она булавку из отворота куртки и с такой силой воткнула в руку, что ей понадобилось большое усилие, чтобы подавить крик боли. Затем она встала к алтарю и покорно опустилась на колени слева от мисс Мэйфилл – таким образом ей точно придется пить из чаши после последней.

Коленопреклоненная, с опущенной головой и крепко сжатыми руками, пока отец не подошел к ней с водой, Дороти начала молить о прощении. Но течение её мысли прервалось. Неожиданно попытка молиться оказалась бесполезной. Губы двигались, но в словах, что она произносила, не было ни смысла, ни значения. Она слышала шаркающие шаги Проггета и ясный низкий голос отца, бубнящего «Возьми и съешь»; она видела под своими коленями полосу протершегося красного ковра, чувствовала запах одеколona и нафталиновых шариков, но о плоти и крови Христовой, о самой цели, которая привела ее сюда, она, казалось, лишилась способности размышлять. Мертвящая пустота окутала ее сознание. Дороти показалось, что она просто не может молиться. Она сделала над собой усилие, собралась с мыслями, произнесла механически начальные фразы молитвы... но все бесполезно, бессмысленно – ничего, лишь пустая скорлупа слов. Отец держал перед ней воду в мясистой старческой руке. Он держал ее большим и указательным пальцами, брезгливо, как что-то неприятное, будто то была ложка с лекарством. Взгляд его был направлен на мисс Мэйфилл, которая при движении складывалась как гусеница-землемер, еще и издавала скрип, и крестилась при этом столь усердно, что можно было подумать, будто она примеряется, как уложить декоративный кант на пальто спереди. Несколько секунд Дороти не решалась брать воду. Но не взять – не осмелилась. Гораздо лучше было бы отойти от алтаря, чем причащаться с такой смутой в душе.

И вдруг случилось так, что взгляд ее скользнул в сторону, вдоль прохода, и дальше, через открытую дверь южного входа. Мимолетное копье солнечного света пронзило облака. Оно ударило вниз, через листья липы, и хоровод листьев у входа блеснул прозрачным, невиданным зеленым цветом, зеленее чем нефрит или изумруд, или воды Атлантики. Слово некий драгоценный камень вспыхнул на миг невероятным блеском, залил весь проход зеленым светом, а потом потускнел. Радость наполнила сердце Дороти. Эта вспышка живого цвета, неподвластным логическому осмыслению путём, вернула Дороти её душевный покой, её любовь к Богу, её силу боготворить. Почему-то после этой зелени листьев, к ней вернулась способность молиться. «О вся зелень на земле, будь благословенна!»[5 - «О вся зелень на Земле, будь благословенна!» – Из Книги

пророка Даниила (3,57–88 и 56).] Она начала горячо молиться, с радостью и благодарностью. Облатка растаяла у неё на языке. Дороти приняла чашу из рук отца и без отвращения, даже с удвоенной радостью от этого небольшого самоуничижения, ощутила на её серебряном ободке след губ мисс Мэйфилл.

§ II

Церковь святого Этельстана стояла на самой высокой точке Найп-Хилла, так что если подняться на колокольню, можно было разглядеть земли миль на десять вокруг. Смотреть особенно не на что – только низкий, немного холмистый пейзаж Восточной Англии, невыносимо унылый летом, а зимой оживающий благодаря повторяющемуся узору разросшихся вязов, оголенных и веерообразных, на фоне свинцового неба.

Прямо под вами лежал городок, с главной улицей, бегущей с востока на запад и неравно разделяющей его на две части. Южная часть городка была древней, сельскохозяйственной, и пользовалась уважением. В северной же части находились строения рафинадной фабрики сахарной свёклы Блифила-Гордона, а вокруг них и на подступах, тут и там, были разбросаны беспорядочными рядами уродливые коттеджи из желтого кирпича, в которых проживали в основном работники предприятия. Среди фабричных рабочих, составлявших более половины двухтысячного населения городка, были приезжие и деревенщина, и при этом почти все до единого безбожники.

Двумя главными стержнями, или центрами, вокруг которых вращалась общественная жизнь городка, был Клуб консерваторов Найп-Хилла (имеющий полную лицензию), из эркерного окна которого в любое время после открытия бара видны были лоснящиеся, розовые лица местной элиты, выглядывавшие оттуда словно толстые золотые рыбки из-за стеклянной панели аквариума, и, немного дальше по главной улице, «Йе Олдэ Ти Шоппе», старая чайная – главное заведение для randevу местных дам.

Не прийти в «Йе Олдэ Ти Шоппе» каждое утро с десяти до одиннадцати, чтобы выпить свой «утренний кофе» и провести полчаса или около того в этом гармоничном щебетании представителей высшего общества среднего класса («Моя дорогая, у него было девять пик на туза и даму, и он ни разу не пошёл с

kozyря, если позволите. Что? Моя дорогая, вы же не хотите сказать, что снова оплатите мой кофе? О, моя дорогая, как же это мило! Но завтра я прямо-таки настаиваю: обязательно заплачу за вас. Ах, вы только посмотрите как милый маленький Тото ровненько сидит и выглядит, как умный человечек со своим маленьким шевелящимся чёрным носиком, и он бы... будь он... утёнок мой...и если бы его хозяйка дала бы ему кусок сахара, она бы... он бы... Вот, Тото!) – означало, точно не состоять в обществе Найп-Хилла. Пастор язвительно называл этих дам «кофейной бригадой». Рядом с колонией лубочных вилл, заселенных этой кофейной бригадой, находился Грандж, дом мисс Мэйфилл: любопытная пародия на замок из темно-красного кирпича машинной обработки – плод чьего-то сумасбродства, – возведенный около 1870, и, к счастью, почти запрятанный за густыми кустами.

Дом Пастора стоял на полпути до вершины холма, фасадом к церкви и тыльной стороной к главной улице. Это был дом из другой эпохи, неприлично большой, и с постоянно отслаивающейся жёлтой штукатуркой. Прежний пастор пристроил с одной стороны большую оранжерею, которую Дороти использовала как рабочее помещение, которому, постоянно требовался ремонт. Палисадник задушили обтрепавшиеся ели и огромный раскидистый ясень, затенявшие передние комнаты и не дававшие выращивать цветы. Позади был большой огород. Весной и осенью Проггет тщательно пропахивал огород, а Дороти сеяла, сажала и полола в то оставшееся свободное время, которым могла распоряжаться. Несмотря на это, огород все равно по большей части представлял собой непроходимые заросли сорняков.

Дороти соскочила с велосипеда у главных ворот, на которые какой-то официальный представитель наклеил плакат с надписью «Голосуй за Блифила-Гордона и высокие зарплаты!» (Как раз шла предвыборная компания, и г-н Блифил-Гордон представлял интересы консерваторов.). Открыв входную дверь, Дороти увидела два письма, упавшие на старый кокосовый коврик у двери. Одно было от сельского священника, а другое, тонкое и неприятное на вид, от «Кэткин энд Палм», портных ее отца. Несомненно, это был счёт. Пастор, как правило, придерживался практики забирать лишь те письма, которые его интересовали, а прочие оставлять. Наклонившись, чтобы поднять письма, Доротис ужасом увидела торчащий из почтового ящика немаркированный конверт.

Это был счёт – несомненно, счёт! Причём только взглянув на него, она сразу поняла, что это тот самый ужасный счёт от Каргилла, мясника. У неё внутри все

оборвалось. Она даже начала было молиться, чтобы это оказался не счёт от Каргилла, а только лишь тот счёт на три и девять от Соулипайпа, торговца тканями, или счёт от Интернешнл, от пекаря, или молочника – от кого угодно, только не от Каргилла! Затем, заставив себя не паниковать, она вынула конверт из щели почтового ящика и судорожным движением разорвала его.

«По счёту полагается к оплате: 21 Фунт 7 шиллингов 9 пенсов.»

Это было написано безобидным почерком бухгалтера г-на Каргилла.

Однако снизу, жирными, безапелляционными буквами, было добавлено и жирно подчёркнуто:

«Хотелось бы обратить внимание, что счёт ждёт оплаты очень длительное время. Надлежит решить вопрос как можно скорее.

С. КАРГИЛЛ»

Дороти еще больше побледнела и почувствовала, что завтракать она определенно не хочет. Она засунула счёт в карман и пошла в столовую. Эта небольшая, темная комната, отчаянно нуждавшаяся в новых обоях, и, как и все прочие комнаты в пасторском доме, казалось, была обставлена мебелью, выброшенной из антикварного магазина. Мебель была «хорошей», но истрепавшейся до такого состояния, когда реставрация уже невозможна. Стулья так сильно изъедены жучками, что сидеть на них более-менее безопасно можно было лишь зная индивидуальные особенности каждого. На стенах висели старые, тёмные, потёртые стальные гравюры, одна из которых – портрет Карла I с подписью Ван Дейка – возможно, имела бы ценность, не будь она испорчена сыростью.

Пастор стоял перед пустым камином, греясь у воображаемого огня, и читал письмо из длинного синего конверта. На нем все ещё была ряса из чёрного переливающегося шелка, которая идеально подчеркивала его густые седые волосы и бледное, благородное, не очень-то дружелюбное лицо. Когда Дороти вошла, он отложил письмо, вытащил свои золотые часы, и стал рассматривать их

с многозначительным видом.

– Боюсь, я немного опоздала, отец.

– Да, Дороти, ты немного опоздала, – сказал Пастор, повторяя ее слова и мягко, но заметно их подчеркивая, – на двадцать минут, если быть точным. Не думаешь ли ты, Дороти, что когда мне надо вставать в шесть пятнадцать, чтобы провести обряд Святого причастия, и когда я возвращаюсь очень уставший и голодный, было бы лучше, если бы ты могла прийти на завтрак, немного не опоздав?

Было очевидно, что Пастор пребывает в «неудобном настроении», как иронично называла это Дороти. У него был усталый, деланный тон, который не был однозначно злым, но притом никак не походил на добродушный. Казалось, что он всё время повторяет: «Просто не понимаю, почему ты из всего делаешь проблему!» Создавалось впечатление, что он постоянно страдает из-за глупости и ограниченности других людей.

– Извините, отец. Просто я должна была справиться о здоровье миссис Тоуни (миссис Тоуни была в «памятном списке» под буквой Т.). Вчера ночью у неё родился ребёнок, и, как вы знаете, она обещала прийти после этого для воцерковления. Но, конечно, она не придёт, если подумает, что мы не проявляем к ней никакого интереса. Вы знаете этих женщин – можно подумать, они ненавидят воцерковление. Они ни за что не приходят, если я их не уговорю.

Пастор не стал ворчать, но издал выражавший некоторое неодобрение звук и направился к столу с завтраком. Звуком этим он намеревался выразить, во-первых, что обязанность прийти для воцерковления лежала на миссис Тоуни без каких-либо уговоров со стороны Дороти, и, во-вторых, что это не дело – тратить понапрасну время на посещение всякой шелупони в городе, особенно перед завтраком. Миссис Тоуни была женой рабочего и жила в *partibus infidelium* [б - in *partibus infidelium* (лат.) – среди неверных.] в северной части Хай-стрит. Пастор положил руку на спинку стула и, ничего не сказав, бросил на Дороти взгляд, означавший: «Ну теперь ты готова? Или сегодня будут еще какие-то проволочки?».

– Думаю, что всё готово, отец, – сказала Дороти. – Может быть, если вы прочтёте молитву...

– Benedictus benedicat,[7 - Benedictus benedicat (лат.) – Благословен будь (начало молитвы).] – сказал Пастор, поднимая отслужившую своё серебристую салфетку с блюда для завтрака. Серебристая салфетка, как и серебряная с позолотой ложка для мармелада, были семейными реликвиями, тогда как ножи, вилки и большая часть посуды были из сетевых супермаркетов Вулворта.

– Как я вижу, снова бекон, – добавил пастор, взглянув на три свёрнутых тонюсеньких ломтика бекона, лежавших на квадратиках поджаренного хлеба.

– Боюсь, это всё, что есть у нас дома, – сказала Дороти.

Пастор взял вилку двумя пальцами и, очень деликатными движениями, будто он играет в бирюльки, перевернул один из ломтиков.

– Конечно я понимаю, – сказал он, – что бекон на завтрак – неременный атрибут английского образа жизни, такой же старый, как парламентское правительство. И всё-таки, не считаешь ли ты, что мы могли бы время от времени что-то менять, Дороти?

– Бекон сейчас такой дешёвый, – сказала Дороти с сожалением. – Просто грех его не покупать. Вот этот – всего по пять пенсов за фунт. А я видела бекон, довольно приличного вида, за три пенса.

– Полагаю, датский? В какой только форме датчане не проникли в эту страну! Сначала с огнём и мечом, а теперь с их неудобоваримым дешёвым беконом. Хотелось бы мне знать, что привело к большому количеству смертей!

Почувствовав себя немного лучше от такой остроты, Пастор уселся на свой стул и замечательно позавтракал презренным беконом, тогда как Дороти (которая в это утро оставила себя без бекона: наказание, установленное для себя из-за сказанного вчера слова «чёрт» и получасового бездельничанья после ланча) тем временем обдумывала, как лучше начать разговор.

Перед ней стояла настолько ненавистная задача, что и словами не выразить: просить денег. Даже в самые лучшие времена получить деньги от отца было делом почти невыполнимым. Было очевидно, что сегодня утром он будет ещё более «несговорчивым», чем обычно. Слово «несговорчивый» было ещё одним эвфемизмом Дороти. Наверно, он получил плохие известия, подумала Дороти,

глядя на синий конверт.

Вероятно, не было человека, который, поговорив с Пастором минут десять, стал бы отрицать, что последний был человеком «несговорчивым». Секрет его неизменно мрачного юмора скрывался за тем фактом, что Пастор был анахронизмом. Ему ни в коем случае нельзя было родиться в современном мире; сама атмосфера современности вызывала в Пасторе отвращение и гнев. Каких-нибудь пару веков назад счастливый священник, владеющий несколькими бенефициями, пописывающий стишки и собирающий окаменелости (в то время как викарии за сорок фунтов в год управляли его приходами), он был бы в своей стихии. Даже сейчас, будь он побогаче, он мог бы утешиться, выбросив из головы двадцатый век. Но жить в последнее время стало очень дорого; для этого нужно иметь не менее двух тысяч в год. Пастор, со своей бедностью привязанный к веку Ленина и «Дейли Мэйл», пребывал в состоянии постоянного раздражения, которое, что вполне естественно, он выливал на человека, который был к нему ближе всего, – то есть, как правило, на Дороти.

Пастор родился в 1871, младший сын младшего сына баронета, и направил свои стопы в Церковь по старомодной причине: профессия, традиционная для младших сыновей.[8 - Баронет – наследственный дворянский титул, средний между титулами высшей знати и низшего дворянства.] Первый его приход был в восточной части Лондона, в большом округе, среди трущоб и хулиганов, – в ужасном месте, которое он вспоминал с отвращением. Даже в те дни «низшие классы» (как он взял себе в обыкновение их называть) определённо становились неуправляемыми. Дела пошли немного лучше, когда он возглавил приход в одном отдалённом местечке в Кенте (Дороти родилась в Кенте), где порядком забытые деревенские жители всё ещё снимали перед «пастором» шляпу. Но к этому времени он женился, а женитьба его была дьявольски несчастливой. Да ещё, по причине того, что священники не имеют права ссориться со своими жёнами, его несчастье держалось в секрете, что во сто раз хуже. В Найп-Хилле он появился в 1908, в возрасте тридцати семи лет, с характером неисправимо испорченным, с характером, который привёл к тому, что всякий мужчина, всякая женщина, всякий ребёнок в приходе от него отвернулись.

Нельзя сказать, что он был плохим священником непосредственно как священник. В своих чисто священнических обязанностях он был скрупулёзно правилен, возможно, слишком уж правилен для прихода Низкой Церкви Восточной Англии.[9 - Низкая церковь (в отличие от Высокой церкви) – в Англиканском богослужении направление, стремящееся минимизировать роль

духовенства, таинств и ритуальной части богослужения и придать большее значение евангелическим принципам.] Он проводил службу с большим вкусом, читал восхитительные проповеди и вставал в неудобные ранние часы каждое утро в среду и в пятницу, чтобы проводить Святое причастие. Но он никогда всерьёз не задумывался о том, что у священника есть обязанности и за четырьмя стенами церкви. За неимением возможности завести себе помощника, Пастор всю грязную работу в приходе оставлял для своей жены, а после её смерти (она умерла в 1921) – для Дороти. Частенько народ, злобно и не взаправду, поговаривал, что он бы и проповеди читать поручил Дороти, будь у него такая возможность. «Низшие классы» сразу же поняли, как он к ним относится, и, будь он человеком богатым, вероятно, бросились бы, как у них повелось, лизать его ботинки. А поскольку дело обстояло иначе – они его просто ненавидели. Нельзя сказать, что его волновало, ненавидят они его или нет, – он, по большей части, не задумывался об их существовании. Да и с высшими классами он ладил не лучше. Он перессорился с одним за другим, со всем населением графства. Как представитель городского дворянства, как внук баронета, он их презирал, и скрывать этого не собирался. В результате его успешной двадцатитрёхлетней деятельности количество прихожан в церкви Св. Этельстана сократилось с шестисот до двухсот, а то и больше.

Произошло это не единственно по причине его личных качеств. Причина крылась также в старомодном англиканизме, которого Пастор был упрямым приверженцем, что раздражало в равной степени все партии в округе. В наше время для священника, который хочет сохранить свой приход, открыты только два пути. Либо это должен быть Англиканский католицизм, чистый и простой, вернее, чистый, но отнюдь не простой. Либо он должен быть дерзко современен и либерален и читать успокоительные проповеди, доказывая, что ада нет и хорошие религии все едины. Пастор не сделал ни того, ни другого. С одной стороны, он глубоко презирал англо-католическое движение. Оно прошло мимо его сознания, не оставив никакого следа; «Римская лихорадка» – так он его называл. С другой стороны, он был слишком «Высоким» для старых членов его конгрегации. Время от времени он до смерти пугал их, употребляя фатальное слово «католик» не только в священных местах Писания, но и с кафедры. Естественно, конгрегация уменьшалась год от года, и первыми уходили «лучшие люди». Лорд Покторн из Покторн-корта, владевший пятой частью всех владений графства, мистер Левис, удалившийся от дел торговец кожей, сэр Эдвард Хьюсон из Крабтри-холла и владельцы автомобилей, такие милые, почти дворяне, – все покинули Св. Этельстан. Большинство из них утром по воскресеньям уезжало в Миллборо, что в пяти милях. Миллборо, городок с пятитысячным населением, где можно было выбирать из двух церквей: Св.

Эдмунда и Св. Видекинда. Церковь Св. Эдмунда была местом модернистским: текст блейковского «Иерусалима» провозглашали там с алтаря, а вино для причастия пили из бокалов для ликёра.[10 - Поэма «Иерусалим» – одно из крупных творческих достижений Уильяма Блейка (1757–1827). Однако здесь речь идёт по всей видимости о стихотворении Блейка «Иерусалим», широко известном также как гимн «Новый Иерусалим» с музыкой сэра Хьюберта Парри (1848–1918).] А церковь Св. Видекинда была местом англокатолическим и находилась в состоянии непрекращающейся партизанской войны с епископом. К тому же мистер Камерон, секретарь Клуба консерваторов Найп-Хилла, был новообращённым римским католиком, а его дети – в гуще Римско-католического литературного движения. Поговаривали даже, что у них есть попугай, которого они учат повторять “Extra ecclesiam nulla salus.”[11 - Extra ecclesiam nulla salus. (лат.) – Вне Церкви нет спасения.] В итоге, ни один из стоящих людей не остался верен Св. Этельстану за исключением мисс Мэйфилл из Дэ-Грандж. Большую часть своих денег мисс Мэйфилл завещала Церкви, – так она говорила. Между тем, как было известно, она никогда не клала больше шести пенсов в мешочек для пожертвований, а жить она, похоже, собиралась вечно.

Первые десять минут завтрака прошли в полной тишине. Дороти пыталась собраться с духом, чтобы заговорить; ясное дело, прежде чем поднимать вопрос о деньгах, нужно было начать хоть какой-то разговор. Но отец её был не из тех людей, с кем легко заговорить о мелочах. Временами на него нападали такие приступы рассеянности, что заставить его тебя слушать было почти невозможно. В другое время он был весь внимание, даже чрезмерно, внимательно выслушивал, что ты говоришь, а потом замечал, довольно устало, что говорить этого не стоило. На вежливые банальности – о погоде и всём прочем – он обычно реагировал саркастически. Тем не менее Дороти решила попробовать начать с погоды.

– Странный сегодня день, правда? – заметила она, хотя, уже произнося это, осознавала бессмысленность такого замечания.

– И что же в нём странного? – поинтересовался Пастор.

– Ну, я имела в виду, что утром было холодно и туманно, а теперь вышло солнце, и всё изменилось; довольно приятно.

– И что же в этом такого странного?

Ясно, ничего хорошего не получилось. Должно быть, он получил какие-то неприятные известия, подумала Дороти. Она попробовала снова.

– Как хотела бы я, чтобы вы, отец, как-нибудь вышли в наш садик на заднем дворе. Стручковая фасоль пошла так замечательно! Стручки будут более фута длиной. Конечно же, я хочу оставить те, что получше к Празднику урожая. Думаю, будет очень красиво, если мы украсим кафедру гирляндами стручковой фасоли, да ещё повесим среди них несколько помидорок.

Это был faux pas.[12 - Faux pas (франц.) – неправильный шаг.] Пастор поднял глаза от своей тарелки с выражением глубокого отвращения.

– Моя дорогая Дороти, – сказал он резко, – неужели так необходимо уже сейчас беспокоить меня по поводу этого Праздника урожая?

– Извините, отец, – сказала Дороти смутившись. – Я не хотела вас беспокоить. Я просто подумала...

– Ты полагаешь, что для меня большое удовольствие читать проповедь среди гирлянд стручковой фасоли? Я не зеленщик. От одной мысли об этом мне даже завтрак расхотелось. Когда это отвратительное мероприятие должно проводиться?

– В сентябре, шестнадцатого, отец.

– Впереди ещё почти месяц. Ради всего святого, позволь мне об этом пока не думать! Полагаю, мы должны устраивать это смехотворное мероприятие раз в год – пощекотать тщеславие садовников-любителей из прихода. Но не будем раздумывать об этом больше, чем требуется.

Дороти не следовало забывать, что Пастор питает глубокое отвращение к Празднику урожая. Он даже потерял ценного прихожанина, некоего мистера Тоагиса, угрюмого огородника-пенсионера, из-за того, что выразил недовольство, увидев церковь, украшенную наподобие лавки зеленщика. Мистера Тоагиса, *anima naturaliter Nonconformistica*, удерживала в «Церкви» исключительно привилегия украшать на Праздник урожая боковой алтарь, создавая в некотором роде Стоунхендж, составленный из гигантских кабачков.[13 - *Anima naturaliter Nonconformistica* (лат.) – по своей природе

нонконформист.] В предыдущее лето ему удалось вырастить из тыквы настоящего левиафана: огненно-красное диво было столь огромно, что понадобились двое мужчин, чтобы его поднять. Этот монстрообразный предмет разместили в алтарной части, из-за чего сам алтарь стал казаться карликовым. К тому же он затмил все краски восточного окна. Неважно, в каком месте в церкви ты стоял, тыква, как говорится, бросалась тебе в глаза. Мистер Тоагис был в полном восторге. Он крутился около церкви дни напролёт, не в силах оторвать взгляд от столь обожаемой им тыквы, и даже приводил поочерёдно группы своих приятелей насладиться зрелищем. По выражению его лица можно было подумать, что он цитирует Водсвотра на Вестминстерском мосту:

Нет зрелища пленительней! И в ком

Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый

При виде величавой панорамы...[14 - Здесь приведено начало одного из самых знаменитых стихотворений о Лондоне – «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту» (1802 г) английского поэта-романтика Уильяма Водсворта (1770–1850 гг.) в переводе В. Левика.]

После этого у Дороти появились большие надежды заполучить его даже на Святое причастие. Но Пастор, увидев тыкву, по-настоящему разозлился и приказал немедленно убрать «эту отвратительную вещь». Мистер Тоагис в тот же миг «оставил часовню», таким образом он и его наследники были потеряны для Церкви навеки.

Дороти решила предпринять ещё одну, финальную попытку начать разговор.

– Дела с костюмами для «Карла I» продвигаются, – сказала она. (Дети из школы при церкви репетировали пьесу под названием «Карл I» в помощь фонду органистов.) – Но я, право, жалею, что мы не выбрали что-то попроще. Делать доспехи – ужасная работа, и я боюсь, что с ботфортами будет ещё сложнее. Думаю, в следующий раз нам нужно будет взять римскую или греческую пьесу. Что-нибудь такое, где носят только тоги.

Это вызвало лишь еще одно приглушённое ворчание Пастора. Конкурсы, базары, распродажи и благотворительные концерты в глазах Пастора не были столь плохи, как праздники урожая, но он не притворялся, будто они ему интересны. Без этой напасти не обойтись, говорил он. В этот момент Эллен, служанка,

распахнула дверь и неловко вошла в комнату, прижимая большой рукой с шелушащейся кожей к животу свой фартук из мешковины. Высокая сутулая девушка с мышиного цвета волосами, заунывным голосом и плохим цветом лица, она страдала от хронической экземы. Эллен с опаской покосилась на Пастора, однако обратилась к Дороти – очень уж она боялась Пастора, чтобы заговорить с ним напрямую.

– Пожалуйста, мисс... – начала она.

– Да, Эллен?

– Пожалуйста, мисс, – заунывно продолжила Эллен, – у нас на кухне мистер Портер, и он говорит, что, мол, пожалуйста, не может ли Пастор зайти и покрестить ребёночка мистера Портера. Потому как они не думают, что он и день протянет, а он ещё не крещённый, мисс.

Дороти поднялась.

– Садись! – поспешно, с полным ртом, проговорил Пастор.

– Как ты думаешь, что с ребёнком? – спросила Дороти.

– Да, мисс, он весь почернел. И диарея у него, очень уж сильная.

Пастор, не без усилия, проглотил содержимое.

– Нельзя ли избавить меня от этих отвратительных подробностей, когда я завтракаю? – воскликнул он. Затем повернулся к Эллен:

– Пусть Портер отправляется восвояси, и скажи ему, что я зайду к ним домой в двенадцать часов. Я, право, не могу понять, почему это низшие классы так и норовят выбрать время трапезы, чтобы прийти и надоедать, – добавил он, бросив ещё один раздражённый взгляд на Дороти, пока та садилась.

Мистер Портер был человек рабочий, а точнее – каменщик. Взгляды Пастора на крещение были абсолютно здравыми. В случае острой необходимости он мог пройти двадцать миль по снегу, чтобы покрестить умирающее дитя. Но ему не

понравилась готовность Дороти вскочить из-за стола во время завтрака из-за прихода самого обычного каменщика.

Дальнейшее продолжение разговора во время завтрака не состоялось. На душе у Дороти становилось всё тяжелее и тяжелее. Необходимо было попросить деньги, и при этом было абсолютно очевидно, что любая попытка обречена на провал. Завтрак Пастора закончился, он поднялся из-за стола и начал набивать трубку из табакерки на камине. Чтобы собраться с духом, Дороти произнесла коротенькую молитву, а затем ущипнула себя. Давай же, Дороти! Начинай! Не ломайся, ну, пожалуйста! Не без усилия, она овладела голосом и произнесла:

- Отец...

- Что такое? - сказал Пастор, остановившись со спичкой в руке.

- Отец, я кое о чём хочу вас попросить. О чём-то важном.

У Пастора изменилось выражение лица. Он моментально угадал, что она хочет сказать, и, что любопытно, теперь он выглядел менее раздражённым, чем раньше. Каменное спокойствие воцарилось на его лице. Он похож был сейчас на исключительно отчуждённого и бесполезного сфинкса.

- Сейчас, дорогая моя Дороти, я очень хорошо знаю, что ты хочешь сказать. Полагаю, ты опять хочешь попросить у меня денег. Так ведь?

- Да, отец. Потому что...

- Ну да, я могу облегчить твою задачу. У меня абсолютно нет денег. Абсолютно нет денег до следующего квартала. Ты же получила сумму для ведения хозяйства, и больше я не могу дать тебе ни пол пени. И беспокоить меня сейчас по этому поводу абсолютно бесполезно.

- Но, отец...!

На душе у Дороти стало ещё тяжелее. Хуже всего, когда она приходила к нему за деньгами, было вот это его ужасное, безразлично-спокойное отношение. Ни к чему не оставался он столь равнодушен, как к напоминанию о том, что он по уши

в долгах. Очевидно, он не мог понять, что торговцы время от времени хотели, чтобы им платили, и вести домашнее хозяйство без соответствующих денежных затрат невозможно. Он выдавал Дороти восемнадцать фунтов в месяц на всё, включая зарплату Эллен, а в то же время в еде он был «привереда», и любое снижение её качества определял мгновенно. Результатом этого, конечно, стали постоянные долги. Однако Пастор не обращал на долги ни малейшего внимания; вообще-то он едва ли о них знал. Потеряв деньги из-за инвестиций, он был глубоко взволнован, а что до долгов простому торговцу – так это такое пустяковое дело, что он даже не хотел забивать этим себе голову.

Мирный шлейф дыма поплыл вверх из трубки Пастора. Задумчивым взглядом он пристально рассматривал стальную гравюру Карла I и, вероятно, уже забыл о том, что Дороти просила денег. Увидев такую беспечность, Дороти испытала приступ отчаяния, и это вернуло ей мужество. Она заговорила более резко, чем раньше:

– Отец, пожалуйста, выслушайте меня! Мне необходимы деньги и в ближайшее время. Просто необходимы! Дальше так не может продолжаться. Мы задолжали почти каждому торговцу в городе. Получается так, что иногда утром для меня это просто невыносимо – идти по улице и думать о счетах, которые мы должны оплатить. Знаете ли вы, что мы должны Каргиллу почти двадцать два фунта?

– Что из того? – сказал Пастор, выпуская клубы дыма.

– Но этот счёт растёт вот уже семь месяцев! Он присылает его снова и снова. Мы должны его оплатить! Это так несправедливо по отношению к нему: заставлять его ждать его же деньги!

– Ерунда, дитя моё! Так положено, чтобы эти люди ждали своих денег. Им так нравится. В конце – они получают больше. Одному Богу известно, сколько я задолжал «Кэткин энд Палм». Да я и выяснять не собираюсь. Я получаю от них угрозы с каждой почтой. Но разве ты слышала, чтобы я когда-нибудь жаловался?

– Но отец, я не могу на всё это смотреть, как вы. Не могу! Постоянные долги – это так ужасно! Даже если в них нет ничего плохого, это всё равно отвратительно! Мне из-за этого так стыдно! Когда я прихожу в магазин Каргилла сделать заказ, он говорит со мной так резко, и заставляет ждать, пока не обслужит всех посетителей, а всё потому, что наш долг всё время растёт. Но

я боюсь перестать заказывать именно у него. Думаю, он заявит на нас в полицию, если я перестану.

Пастор нахмурился:

– Что? Уж не хочешь ли ты сказать, что этот парень обнаглел?

– Я не говорила, что он обнаглел, отец. Но если он злится из-за неоплаченных счетов, то его нельзя в этом винить.

– Очень даже можно его винить – и я в этом уверен! Просто отвратительно, как эти люди в наши дни позволяют себе вести себя! Отвратительно! Ну вот, приехали, как видишь! Вот с такого рода вещами мы должны существовать в этом замечательном веке. Демократия – прогресс, как они любят это называть. Не заказывай ничего больше у этого парня. Сразу же скажи ему, что твой счёт будет теперь в каком-нибудь другом месте. С этими людьми можно только так обращаться.

– Отец, но это ничего не решает. Говоря начистоту, вы же понимаете, что мы должны ему заплатить? Мы непременно должны как-то найти денег. Не могли бы вы продать какие-то акции, или что-нибудь ещё?

– Деточка моя дорогая, только не говори мне про акции! Я только что получил пренеприятнейшие новости от моего брокера. Он утверждает, что мои акции в «Суматра Тин» упали от семи и четырех пенсов до шести и одного пенни. Это означает потерю почти шестидесяти фунтов. Я велю ему всё сразу же продать, пока акции не упали ещё больше.

– Значит, если вы продадите, у вас будут какие-то деньги на руках. Ведь так? Не считаете ли вы, что лучше покончить с долгами, раз и навсегда?

– Глупости, это всё глупости, – сказал Пастор более спокойно, опять беря в рот трубку. Ты в этих делах ничего не понимаешь. Я должен буду сразу же реинвестировать, во что-то более обнадеживающее. Это единственный способ вернуть мои деньги.

Заложив большой палец за пояс рясы, он с рассеянным видом хмурился, глядя на стальную гравюру. Его брокер рекомендовал «Юнайтед Силаниз». Здесь, в «Суматре Тин», в «Юнайтед Силаниз» и в неисчислимом количестве прочих далёких компаний, о которых Пастор имел весьма смутное представление, находилась главная причина его денежных проблем. Он был заядлым игроком. Нет, конечно же, он не думал об этом как об игре – это просто был поиск «хороших инвестиций», растянувшийся на всю жизнь. По достижении совершеннолетия он унаследовал четыре тысячи фунтов, которые, благодаря его инвестициям, постепенно сократились до двенадцати сотен. Хуже того, каждый год ему удавалось наскрести из его несчастного дохода ещё пятьдесят фунтов, которые исчезали тем же путем. Любопытный факт состоял в том, что соблазн «хорошей инвестиции», похоже, преследует священнослужителя более настойчиво, чем представителя любого другого класса. Возможно, это современный эквивалент демонов в женском облике, которые обычно преследовали отшельников в Тёмные века.

– Я куплю пятьсот акций «Юнайтед Силаниз», – сказал Пастор в конце концов.

Дороти начала терять надежду. Теперь отец думает о своих «инвестициях» (она в этих «инвестициях» ничего не понимала, за исключением того, что они проваливались с феноменальной регулярностью), и не пройдёт и минуты, как вопрос о долгах в магазинах попросту вылетит у него из головы. Она сделала последнее усилие.

– Отец, пожалуйста, давайте решим этот вопрос. Сможете ли вы мне выделить ещё немного денег в ближайшее время? Как вы думаете? Не прямо сейчас, а, может быть, через месяц или два?

– Нет, моя дорогая. Нет. Где-то к Рождеству – возможно. Хотя и это тоже маловероятно. Но в настоящее время – определённо не могу. У меня и полпенни нет на расходы.

– Но, отец, это так ужасно! Чувствовать, что мы не можем расплатиться с долгами. Это так унижительно! В прошлый раз, когда мистер Велвин-Фостер был здесь (мистер Велвин-Фостер был благочинным, то есть священником, наблюдающим за духовенством нескольких приходов), миссис Велвин-Фостер обходила весь город и расспрашивала про нас, задавала вопросы очень личного характера: интересовалась, как мы проводим время, сколько у нас денег, сколько тонн угля мы используем за год и про всё остальное. Она всегда лезет в

наши дела. А вдруг она выяснит, что мы погрязли в долгах?!

– Разве не ясно, что это наше личное дело? Я никак не могу понять, какое отношение это имеет к миссис Велвин-Фостер или к кому-нибудь ещё.

– Но она разнесёт эту новость по всей округе, да ещё и преувеличит! Вы же знаете, какова миссис Велвин-Фостер. В какой бы приход она ни пришла, всегда старается найти что-нибудь порочащее священнослужителя, а потом пересказывает всё слово в слово епископу. Я не хочу плохо о ней говорить, но она и право...

Поняв, что на самом-то деле она хотела говорить плохо о миссис Велвин-Фостер, Дороти замолчала.

– Она отвратительная женщина, – спокойно заметил Пастор. – Так что из того? Кто-нибудь когда-либо слышал о жене благочинного, которая бы не была отвратительной?

– Отец, кажется, я не способна открыть вам глаза на то, как серьёзно положение дел! В следующем месяце нам просто не на что жить. Я даже не представляю себе, откуда взять мясо завтра на обед.

– Ланч, дорогая. Ланч! – сказал Пастор с ноткой раздражения. Мне бы очень хотелось, чтобы ты оставила эту отвратительную привычку, свойственную низшим классам, называть полуденную трапезу обедом!

– Ну тогда – на ланч. Откуда мы возьмём мясо? Я не могу просить Каргилла ещё об одной уступке.

– Иди к другому мяснику! Как там его зовут? Солтер! А на Каргилла просто не обращай внимания. Он знает, что рано или поздно с ним расплатятся. Боже милостивый! Я не понимаю, из-за чего вся эта суета? Что, никто не задолжал торговцам? Я абсолютно чётко помню... – Пастор слегка расправил плечи и, взяв в рот трубку, посмотрел вдаль. Продолжил он тоном более задумчивым и благожелательным, – я абсолютно чётко помню, что, когда я был в Оксфорде, мой отец не оплатил свои оксфордские счета более чем тридцатилетней давности. Том (Том был кузеном Пастора, баронетом) задолжал семь тысяч до того, как вступил в наследство. Он сам мне это рассказывал.

При этих словах Дороти оставила последнюю надежду. Когда отец начинал рассказывать о своём кузене Томе и о том, что происходило, когда он был в Оксфорде, с ним ничего невозможно было поделаться. Это означало, что он погрузился в своё воображаемое золотое прошлое, где такие плебейские вещи, как счета от мясников просто-напросто не существовали. Бывали продолжительные периоды, когда он практически забывал, что он всего лишь бедный деревенский Пастор, а не молодой человек из семейства с поместьями и наследством за спиной. Поза богатого аристократа была единственной, наиболее естественно занимаемой им позой при любых обстоятельствах. И конечно же, пока он жил, не без комфорта, в этом своём воображаемом мире, Дороти была тем человеком, который должен был принимать на себя удары торговцев и растягивать баранью ногу с воскресенья до среды. И она понимала абсолютную бесполезность продолжать с ним спор. В конце концов это его только разозлит. Она поднялась и стала составлять посуду на поднос.

- Вы точно уверены, отец, что не сможете дать мне денег? - спросила она в последний раз, уже у двери с подносом в руках.

Пастор, пристально вглядываясь вдаль, среди блаженных облачков дыма, её просто не слышал. Вероятно, он думал о своих золотых оксфордских днях. Дороти вышла из комнаты расстроенная почти до слёз. Этот несчастный вопрос о долгах опять был отложен, как он откладывался сотни раз до этого, без перспективы окончательного решения.

§ III

На своём стареньком велосипеде с пристроенной у руля корзиной для покупок Дороти катилась с холма, подсчитывая в уме, что можно сделать на три фунта девятнадцать шиллингов и четыре пенса. Именно такой суммой она располагала до начала следующего квартала.

Ещё раньше она уже просмотрела список всего необходимого для кухни. Да разве может быть на кухне что-то не необходимое? Чай, кофе, мыло, спички, свечи, сахар, чечевица, дрова, сода, лампадное масло, вакса для обуви, маргарин, разрыхлитель для теста - в запасе, казалось, не осталось практически

ничего. И с каждой минутой всплывали все новые и новые вещи, о которых она забыла и которые её очень тревожили. Например, счет за стирку белья, или тот факт, что уголь подходит к концу, или вопрос о рыбе на пятницу. С рыбой Пастору особенно трудно было угодить. Попросту говоря, он ел только самые дорогие её сорта; треску, путассу, кильку, скат, сельдь и копченую рыбёшку Пастор отвергал.

Между тем, Дороти необходимо было решить вопрос с мясом для обеда, то есть, для ланча. (Здесь Дороти была особенно осторожной и, в угоду отцу, называла обед ланчем, – конечно, когда не забывала об этом. С другой стороны, вечернюю трапезу, по правде говоря, и не назовешь ничем иным, как «ужин», а потому «обедом» не называлась в доме пастора никакая еда). Сегодня на ланч лучше приготовить омлет, решила Дороти. Пойти к Каргиллу она не решалась. С другой стороны, конечно же, если у них на ланч сегодня будет омлет, а на ужин яичница, саркастических замечаний со стороны отца не избежать. В прошлый раз, когда в их меню яйца оказались дважды в день, он холодно поинтересовался: «Ты завела птицеферму, Дороти?». А завтра ей, возможно, отпустят пару фунтов сосисок в Интернетшл, тогда вопрос о мясе можно будет отложить еще на два дня.

Эти следующие тридцать девять дней, с тремя фунтами, девятнадцатью шиллингами и четырьмя пенсами на всё про всё, закрутились в воображении Дороти, захлестывая ее волной жалости к себе. Но Дороти это тут же пресекла. Ни за что, Дороти! Не хнычь, ну, пожалуйста! Доверься Богу, и все образуется. (Матфей, 6:25). Господь даст тебе все. Даст ли? Дороти убрала правую руку с руля велосипеда и потянулась за булавкой, но тут неблагочестивые мысли отступили, ибо в этот момент она увидела перед собой красное лицо Проггета, который, стоя у обочины, почтительно, но нетерпеливо приветствовал ее.

Дороти остановилась и слезла с велосипеда.

– Прошу прощения, мисс, – сказал Проггет. – Я поджидал вам тут, чтобы поговорить. Дело особое.

Дороти сдержала глубокий вздох. Если Проггет захотел поговорить с тобой о чем-то особенном, то ясно, что за этим последует. Не иначе как новая порция тревожных новостей о состоянии церкви. Проггет был человек пессимистичный, очень совестливый, и, на особый манер, преданный делу церкви. Интеллектуально не доросший до того, чтобы склониться к какому-то

определенному направлению веры, благочестие своё он проявлял в исключительной заботе о состоянии церковных строений. Когда-то давно он решил для себя, что Церковь Христова – это конкретные стены, крыша и часовня Св. Этельстана в Найп-Хилле, а потому целыми днями бродил вокруг церкви, мрачно отмечая про себя то трещину в каменной стене, то изъеденную жуками балку, и, конечно же, обращался к Дороти, требуя починки, которая стоила бы невероятных денег.

– Что такое, Проггет? – спросила Дороти.

– Ну вот, мисс, это... эти... – за сим последовали некие особенные, непонятные звуки, образовавшие не слово, а намек на слово, – так уж произносил слова Проггет. Казалось, что начиналось это слово на букву «б». Проггет был из тех мужчин, которые не могут обойтись без брани, но, вспомнив, что клялись не браниться, спохватываются и не дают слову сорваться с языка. – Да вот, колокол, мисс. – выговорил он, с усилием избежав звука «б». – Колокола эти, что на колокольне. Они ж пол там так разламывают, что и глядеть страшно. Грохнутся они прям на нас – мы и оглянуться не успеем. Я прям с утречка сегодня был там, на колокольне, да и скажу вам, только поднялся, дак и убежал оттуда вмиг, лишь увидел, как пол-то продавлен.

О состоянии колоколов Проггет приходил жаловаться раз в две недели. Вот уж три года, как колокола эти лежат на полу колокольни, а все потому, что цена за их подвеску или вынос составляет двадцать пять фунтов. Для Дороти заплатить двадцать пять фунтов было все равно, что заплатить двадцать пять тысяч фунтов. Но колокола действительно были так опасны, как и говорил Проггет. Ясно было, что если не в этом или не в следующем году, то, определенно, в самом ближайшем будущем они пробьют пол колокольни и упадут прямо на церковную паперть. И, как любил подчеркивать Проггет, произойти это может именно воскресным утром, когда прихожане приходят в церковь.

Дороти опять вздохнула. Эти несчастные колокола никак не шли у нее из головы; несколько раз она даже во сне видела, как они падают. В церкви всегда появлялась то одна, то другая проблема. Если не колокольня – так крыша или стены, или сломанная скамья, за починку которой плотник просит десять шиллингов, или вдруг понадобится шесть сборников псалмов по шиллингу и шесть пенсов за каждый. А то забьётся дымоход – а трубочист берет полкроны, или разобьётся окно, или сутаны мальчиков-певчих пришли в негодность. Денег на всё вечно не хватало. Новый орган, на покупке которого Пастор настоял пять

лет назад (старый, как сказал он тогда, напоминает ему корову с астмой), оказался столь непосильной ношей для фонда церковных расходов, что они до сих пор не могут с ней справиться.

– Я не знаю, что мы можем тут сделать, – сказала в конце концов Дороти. – И право, не знаю... У нас просто-напросто нет денег. Даже если мы что-то получим от школьного представления, это пойдет в фонд органистов. Они уже очень злятся из-за неоплаченных счетов. А вы говорили с моим отцом?

– Да, мисс. Да с этого ничего не вышло. Колокольня уж пятьсот лет стоит, – говорит он. – Надо думать, простоит и еще.

Ответ в духе Пастора. Тот факт, что церковь, со всей очевидностью, готова свалиться ему на голову, не производил на него впечатления. Он просто его игнорировал, как игнорировал любую вещь, из-за которой не желал беспокоиться.

– Ну вот, не знаю я, что с этим делать, – повторила Дороти. – Конечно, через неделю будет благотворительная распродажа. Я рассчитываю на мисс Мэйфилл, надеюсь, она даст нам что-нибудь особенное для этой распродажи. Знаю, она может себе позволить. У нее там много мебели, да и разных других вещей, которыми она совсем не пользуется. На днях я была у нее дома и видела там прекраснейший лоустофтский чайный сервиз, который давно убран в шкаф. И она сказала мне, что им не пользовались уже более двадцати лет. Подумать только! А что, если она отдаст нам этот сервиз! Сколько фунтов мы за него выручим. Нужно молиться, Проггет, чтобы распродажа удалась. Помолимся, чтобы мы выручили на ней хотя бы пять фунтов. Я уверена, что, не знаю как, но деньги у нас появятся, если мы будем усердно молиться.

– Да, мисс, – почтительно ответил Проггет, и взгляд его устремился в иные дали.

В этот момент раздался гудок автомобиля, и огромная блестящая синяя машина очень медленно выкатилась на дорогу, направляясь к Хай-Стрит. Из окна машины высунулась лоснящаяся чёрная голова мистера Блифил-Гордона, владельца завода по переработке сахарной свёклы. Эта его лоснящаяся голова никак не сочеталась с его песочного цвета твидовым костюмом от Харриса. Проезжая мимо Дороти, он, вместо того, чтобы проигнорировать её как обычно, изобразил на лице теплую, чуть ли не влюблённую улыбку. С ним ехал его старший сын

Ральф, или, как он сам и его домочадцы произносили его имя, Уальф, – женоподобный молодой человек двадцати лет, посвятивший себя сочинению стихов верлибром в стиле Элиота. С ними были также дочери лорда Покторна. Дороти очень удивилась: вот уж несколько лет как никто из этих людей не снисходил до того, чтобы признать ее на улице.

– Как сегодня любезен мистер Блиффил-Гордон, – заметила она.

– Ну так ясно, мисс. Провалиться мне, если это не так! Да все из-за того, что выборы на следующей неделе. Они будут с вами слаще мёда, пока не убедятся, что вы за них проголосуете, да на следующий же день, и лицо-то ваше забудут.

– Ах, выборы, – рассеянно произнесла Дороти. – Такое событие как парламентские выборы было столь далеко от повседневной рутинной работы в приходе, что она практически мало что о них знала, едва ли понимая разницу между либералами и консерваторами, или социалистами и коммунистами. – Так вот, Проггет, – сказала она, тут же забыв про выборы и вернувшись к более важным вопросам, – я поговорю с отцом и скажу ему, как серьёзно обстоят дела с колоколами. Думаю лучшее, что мы можем сделать, это организовать специальный сбор средств, исключительно на колокола. Кто знает, может, мы соберем пять фунтов. Можем собрать и десять! Как вы думаете, если я схожу к мисс Мэйфилл и попрошу ее для начала дать на колокола пять фунтов, она согласится?

– Послушайте меня, мисс, да и не говорите мисс Мэйфилл ни слова об этом. Она напугается до смерти. А если уж она подумает, что колокольня наша опасна, так и ноги ее в нашей церкви больше не будет.

– О, Боже! Так оно и есть.

– Нет, мисс. От нее мы ничего не получим. Старая...

Призрачное «б» вновь застыло на губах Проггета. Теперь, завершив свой периодический отчет о колоколах, Проггет пришел в более спокойное расположение духа. Поднеся руку к шапке, он попрощался с Дороти, и последняя поехала на Хай-стрит, и в голове ее, как припев вилланеллы, сменяя одна другую, вертелись две схожие, как близнецы, проблемы: долги в магазинах и расходы на церковь.[15 - Вилланелла – деревенская песня в неаполитанской

манере.]

Солнце, все еще в дымке, с апрельской мудростью игравшее в прятки среди островков курчавых облачков, послало косою луч на Хай-стрит, позолотив фасады домов на северной стороне улицы. Хай-стрит была одной из тех сонных, старомодных улочек, которые выглядят идеально спокойными в глазах случайного прохожего, но для проживающих на них, как и для тех, кого за витринами поджидают кредиторы, – приобретают абсолютно иной вид. По-настоящему оскорбляющими вид зданиями были «Йе Олдэ Ти Шоппе» – старая чайная (оштукатуренный фасад с прибитыми к нему бутафорскими балками, окна из бутылочного стекла и отвратительная крыша с загнутыми, в стиле китайского храма, краями) – и новое здание почты с дорическими колоннами.

Примерно через сотню ярдов Хай-стрит раздваивалась, образуя тем самым крошечное пространство для рынка, украшенное ныне не функционирующей водокачкой и парой изъеденных жучком позорных столбов. Со стороны, противоположной водокачке, стояла главная гостиница города, «Пёс и бутылка», и Клуб консерваторов Найп-Хилла. В конце улицы глава всему, – наводивший ужас магазин Каргилла.

Завернувшую за угол Дороти оглушил грохот аплодисментов, перемежавшихся с исполняемыми на тромбоне кусками из «Правь, Британия».

Улица, обычно сонная в это время дня, чернела народом, а с боковых улочек сюда спешило все больше и больше людей. Было ясно – идёт какая-то торжественная процессия. Прямо через всю улицу, от крыши «Пса и Бутылки» до крыши Клуба консерваторов, тянулась веревка с многочисленными синими ленточками и с огромным баннером посередине, гласившим «Блифил-Гордон и Империя!». По направлению к этому месту, между рядами людей, со скоростью пешехода, двигалась машина Блифила-Гордона, из которой мистер Гордон щедро улыбался, поворачиваясь из стороны в сторону. Перед машиной маршировал отряд Баффелоуз, возглавляемый приличного вида маленьким человечком, играющим на тромбоне. Они несли еще один транспарант:

Кто спасёт Британию от красных?

БЛИФИЛ-ГОРДОН!

Кто наполнит пивом ваши кружки?

БЛИФИЛ-ГОРДОН!

Блифил-Гордон – навеки!

Из окна Клуба консерваторов развеялся огромный Юнион Джек, над которым лучились энтузиазмом шесть красных лиц.

Дороти с велосипедом медленно шла по улице. Слишком взволнованная тем фактом, что ей предстоит пройти мимо магазина Каргилла (а пройти ей там необходимо – иначе не добраться до Соулпайпа), Дороти не обращала особого внимания на процессию. Машина Блифила-Гордона на минутку задержалась у «Йе Олдэ Ти Шоппе». Вперёд, кофейная бригада! Казалось, добрая половина всех городских дам, с левретками и корзиночками в руках, устремилась вперед, к машине, точно вакханки к богу виноделия. И право, когда еще, как не во время выборов, выпадает возможность обмениваться улыбками с населением своего графства! Раздавались страстные женские выкрики: «Удачи вам, мистер Блифил-Гордон! Мы не сомневаемся, что вы победите, мистер Блифил-Гордон!». Широчайшая улыбка длилась бесконечно, но при этом отмеривалась разной мерой. Простолюдинам доставалась рассеянная улыбка, одна на всех, ни на ком не останавливавшаяся. Каждую из кофейных дам и краснощеких патриотов из Клуба консерваторов оделяли индивидуальными улыбочками. Ну а тем, к кому были особенно благосклонны, доставался взмах руки молодого Вольфа и его визгливое «Чааао!»

Сердце Дороти сжалось. Она увидела, что мистер Каргилл, как и остальные владельцы магазинов, стоит на пороге. Высокий мужчина злобного вида, в синем полосатом фартуке, с начисто выбритым худым лицом такого же цвета, как и его мясные вырезки, дольше положенного пролежавшие на витрине. Дороти до такой степени была поглощена видом этой фигуры, что не заметила, куда идёт, и натолкнулась на очень большого солидного мужчину, который, попятился и сошел с тротуара.

Солидный мужчина обернулся и воскликнул:

– Силы небесные! Это же Дороти!

– Надо же, мистер Уорбуртон! Как неожиданно! А знаете, у меня было такое чувство, что я вас сегодня встречу.

– Разнылся палец, не иначе? – заметил мистер Уорбуртон, просияв всем своим большим, розовым, прямо-таки микаберовским лицом. – Как вы? Но душа моя, – добавил он, – уместны ли здесь вопросы? Вы выглядите более обворожительной, чем когда-либо! [16 - Разнылся палец... – шутливое упоминание на сцену из «Макбета» Уильяма Шекспира, где Вторая ведьма произносит фразу: «У меня разнылся палец/ К нам идёт дурной скиталец» (пер. Михаила Лозинского).... микаберовское лицо. Мистер Микабер – воплощение оптимизма и непрактичности – один из героев романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».]

Он ущипнул Дороти за локоток. (После обеда она переоделась в холщовый редингтон без рукавов). Дороти быстро отступила назад, за пределы досягаемости для мистера Уорбуртона, – она терпеть не могла, когда её вот так щипали и вообще такую манеру общения, и ответила мистеру Уорбуртону довольно сурово:

– Пожалуйста, не надо щипать меня за локоть. Мне это не нравится.

– Дороти, дорогая, да кто же сможет устоять перед таким локотком, как ваш? Его ущипнешь эдак автоматически. Рефлекс срабатывает, понимаете ли!

– Когда вы вернулись в Найп-Хилл? – поинтересовалась Дороти, поставив велосипед между собой и мистером Уорбуртоном. – Уж более двух месяцев прошло, как я вас не видела.

– А я позавчера вернулся. Но и сейчас я так, мимоходом. Завтра снова уезжаю. Везу деток в Бретань, этих моих «внебрачных сорванцов». Ну вы знаете.

Когда мистер Уорбуртон произнес слово «внебрачных», Дороти почувствовала неловкость, хотя и не без оттенка наивного превосходства, и отвела глаза. Мистер Уорбуртон и его «внебрачные сорванцы» (а их было трое) стали причиной одного из самых больших скандалов в Найп-Хилле. Мистер Уорбуртон был

человеком с независимым доходом, называл себя художником, выдавал около полудюжины посредственных пейзажей в год. Приехав в Найп-Хилл два года назад, он купил одну из новых вилл за домом Пастора. Там он жил, или, вернее, периодически останавливался, в открытую сожительствуя с женщиной, которую называл своей экономкой. Четыре месяца назад эта женщина – иностранка, как говорили, испанка, – стала причиной одного из самых свежих и страшных скандалов: она неожиданно оставила его, и теперь трое его детей пребывали у какой-то его многострадальной родственницы в Лондоне. Внешне он был приятным мужчиной, производящим хорошее впечатление, хотя и абсолютно лысым (этот факт он воспринимал болезненно и старался скрывать, как мог). Он умел придать себе такой щегольской вид, что даже значительного размера брюшко казалось естественным продолжением его грудной клетки. Из своих сорока восьми лет он признавал только сорок четыре. Люди в городе говорили, что он был «самый настоящий старый негодяй»; молодые девушки его побаивались, и не без оснований.

Мистер Уорбуртон положил руку на плечо Дороти, якобы отеческим жестом, и повел её сквозь толпу безостановочно разговаривая о чем попало. Объехав вокруг водокачки, автомобиль Блифила-Гордона, все еще в сопровождении эскадрона вакханок среднего возраста, возвращался назад. Они привлекли внимание мистера Уорбуртона, и он остановился, чтобы внимательно их рассмотреть.

– Что означает сие отвратительное фиглярство? – спросил он.

– О, они, как это называется... собирают электорат. Стараются убедить нас голосовать за них, как я полагаю.

– Стараются убедить нас за них голосовать! Боже мой! – пробормотал мистер Уорбуртон, не отводя глаз от триумфального кортежа. Он поднял большую трость с серебряным наконечником, которую всегда имел при себе, стал указывать ею на процессию, переходя с одной фигуры на другую. – Да вы посмотрите на это! Нет, вы только посмотрите! На эту стаю лъстивых фурий, на этого полоумного болвана, расплывшегося в улыбке как обезьяна при виде горсти орехов! Вы когда-нибудь наблюдали спектакль столь отвратительный?

– Осторожнее, – пробормотала Дороти. – Вас может кто-нибудь услышать.

– Отлично! – сразу же возвысил голос мистер Уорбуртон. – И этот низкопородный пёс имеет наглость считать, что мы в восторге от вида его вставной челюсти. А этот костюм на нем! Сам по себе – уже оскорбление. Где там кандидат от социалистов? Я определенно буду голосовать за него!

Несколько стоявших на тротуаре человек повернулись и не отрываясь смотрели на мистера Уорбуртона. Дороти заметила за углом мистера Твисса, торговца скобяными изделиями, высохшего, с лицом цвета дубленой кожи старика; он поглядывал на них из-за развешенных в проходе корзин с едва скрываемой злобой. Уловив слово «социалист», он немедленно причислил Уорбуртона к социалистам, а Дороти – к друзьям социалистов.

– Я действительно должна идти, – поспешно сказала Дороти, понимая, что ей лучше ретироваться, пока мистер Уорбуртон не скажет что-нибудь еще более бестактное. – Нужно сегодня сделать очень много покупок. Так что, до новых встреч.

– Э нет, вы так просто не уйдёте! – весело заявил мистер Уорбуртон. – Ничего подобного. Я иду с вами!

И так она шла со своим велосипедом вдоль по улице, а он вышагивал рядом, с тростью под мышкой, выпятив вперед широкую грудь и продолжая говорить без умолку. Мистер Уорбуртон был из тех мужчин, от которых отделаться не так-то просто, и, хоть Дороти и считала его другом, она частенько желала, чтобы разговоры с ним происходили не в самых многолюдных местах: все-таки он фигура в городе оскандалившаяся, а она – дочь Пастора. Но в данный момент Дороти была очень благодарна ему за составленную компанию – ведь так проще было пройти мимо магазина Каргилла, который все еще стоял у входа и всю дорогу провожал ее многозначительным взглядом.

– Какая удача, что я вас сегодня встретил, – продолжал мистер Уорбуртон. – Честно говоря, я вас искал. Как думаете, кто приходит отобедать ко мне сегодня вечером? Бьюли! Рональд Бьюли. Ва, конечно же, о нем слышали?!

– Рональд Бьюли? Нет, не думаю. Кто он?

– Как это так? Вот горе! Рональд Бьюли, писатель. Автор «Рыболовов и любовниц». Несомненно, вы читали «Рыболовов и любовниц»?

– Боюсь, что нет. Честно говоря, я и не слышала о них.

– Дорогая моя Дороти! Вы себя не любите! Совсем о себе забыли. Вы непременно должны прочесть «Рыболовов и любовниц». Это не какая-то там клубничка, а эротика высшего класса. Именно то, что тебе нужно, чтобы уже выбросить из головы этого «Наставника девиц»!

– Я, право, не хочу, чтобы вы говорили такие вещи, – сказала Дороти, смущенно отводя взгляд в сторону, однако тут же направила его в прежнее русло, так как встретила глазами с мистером Каргиллом. – И где же живет этот мистер Бьюли, – добавила она. – Конечно же, не здесь?

– Нет, он приезжает отобедать из Ипсуича, и возможно останется на ночь.[17 - Ипсуич – город-порт в Восточной Англии.] Поэтому то я вас и искал. Подумал, что вам, наверно, захочется с ним встретиться. Заглянете к нам на обед сегодня вечером?

– Вероятней всего, я не смогу прийти на обед, – ответила Дороти. – Нужно проследить за папиным ужином, и масса других вещей... Я освобожусь только часам к восьми, если не позже.

– Ну и ладно, тогда приходите после обеда. Хочу, чтобы вы познакомились с Бьюли. Очень интересный малый. Отлично разбирается в этих скандальных делах в Блумсбери, да и в прочих делах такого рода. Вы получите удовольствие от такого знакомства. Да и полезно вам сбежать на несколько часов из этого церковного курятника.[18 - Блумсбери – фешенебельный квартал в Лондоне.]

Дороти была в нерешительности. Ей очень хотелось пойти. Честно говоря, она получала большое удовольствие от своих редких визитов в дом мистера Уорбуртона. Конечно же, они были чрезвычайно редкими – раз в три или четыре месяца, если не реже. Понятно, что это никуда не годится, нельзя ей вот так, запросто, общаться с этим человеком. Но она всегда была предельно осторожна, а перед тем, как идти к нему домой, должна была удостовериться, что там будет, по крайней мере, еще один посетитель.

Два года назад, когда мистер Уорбуртон впервые появился в Найп-Хилле (он тогда представился как вдовец с двумя детьми, однако некоторое время спустя,

совершенно неожиданно, среди ночи, его экономка родила третьего ребенка), Дороти познакомилась с ним на чайной вечеринке, а после этого навестила его. Мистер Уорбуртон угостил её замечательным чаем, изумительно говорил о книгах, но потом, сразу же после чая, сел рядом с ней на диван и неистово, с применением силы и даже довольно грубо, стал добиваться физической близости. Вне себя от страха Дороти все же не растерялась и дала отпор. Она вырвалась и, дрожа всем телом и едва не плача, заняла оборону на другом конце дивана. Между тем мистер Уорбуртон отнюдь не казался пристыженным, а более того – вполне довольным.

- О, как это! Как вы смогли?! – рыдала Дороти.

- Получается, что не смог, – отозвался мистер Уорбуртон.

- Но как можно быть таким зверем?

- Аааа, это... Запросто, мой друг, запросто. Доживете до моего возраста – поймёте.

Несмотря на столь плохое начало, между ними завязались своего рода дружеские отношения, дружеские до такой степени, что стали «поговаривать» о связи Дороти с мистером Уорбуртоном. Хотя в Найп-Хилле многого не требуется, чтобы о тебе начали «поговаривать». Дороти виделась с ним лишь время от времени и предусмотрительно не оставалась наедине. Однако даже при таком положении вещей он не упускал возможности проявлять свою страсть, но делал это в благородной манере – неприятный инцидент больше не повторялся. В дальнейшем, после того как его простили, мистер Уорбуртон объяснил, что всегда «предпринимал подобные попытки» с каждой, более-менее привлекательной женщиной, которую встречал на своем пути.

- И что же, вам не давали отпор? – не удержавшись спросила Дороти.

- Естественно! Но было немало и успешных случаев.

Частенько многие недоумевали, как это получилось, что такая девушка, как Дороти, могла встречаться, хоть и нечасто, с таким человеком, как мистер Уорбуртон. Он держал её той хваткой, которой богохульник и распутник всегда удерживает человека добродетельного. И это факт (стоит только посмотреть

вокруг, и вы в этом убедитесь!): аморальные типы и святоши идут по жизни рука об руку. В литературе лучшие сцены в борделях описаны, без исключения, добродетельными верующими или добродетельными неверующими. И конечно же, Дороти, рожденная в двадцатом веке, взяла за правило выслушивать богохульство мистера Уорбуртона как можно спокойнее: показывать злодеям, что ты шокирован их речами, – значит, убажывать их. А кроме всего прочего, он ей действительно нравился. Он поддразнивал ее, расстраивал, но при этом она, сама того не осознавая, находила в нем симпатию и понимание, которых не встречала нигде. Ибо несмотря на все пороки, он, бесспорно, был человеком приятным, а замечания его – претенциозно блестящи. Некий Оскар Уайльд, семью водами разбавленный, что Дороти, будучи слишком неискушенной, увидеть не могла, а потому была и очарована, и потрясена. К тому же, в данном случае, перспектива познакомиться с прославленным мистером Бьюли, произвела на нее впечатление. И даже несмотря на то, что роман «Рыболовы и любовницы» скорее всего представлял собой не просто книгу, которую она не читала, но такую, после которой, прочти она её, пришлось бы горько раскаиваться. В Лондоне, несомненно, и улицу не успеешь перейти, как встретишь сотню новеллистов, но Найп-Хилл – место совсем иное.

– А вы уверены, что мистер Бьюли придёт?

– Уверен, вполне. Да и супруга его придет, я полагаю. Полная безопасность. Никаких Тарквиниев и Лукреций.[19 - Лукреция – древнеримская героиня, обещенная сыном царя Тарквиния.]

– Хорошо, – согласилась Дороти наконец. – Спасибо большое. Я найду. Думаю, около половины девятого.

– Отлично. Если удастся прийти засветло – еще лучше. Не забывайте о моей соседке, миссис Семприлл. Можете не сомневаться, она будет на дозоре в любое время после захода солнца.

Миссис Семприлл была городской сплетницей, самой выдающейся из огромного количества городских сплетниц. Мистер Уорбуртон между тем, добившись своего (он постоянно приставал к Дороти с уговорами заходить к нему почаще), сказал *au revoir* и оставил Дороти довершать покупки.

В полумраке магазина Соулпайпа не успела Дороти отойти от прилавка с материалом для занавеса (она взяла два с половиной ярда), как над ухом ее зазвучал низкий скорбный голос миссис Семприлл. Была она худощавой женщиной лет сорока, с неординарным дряблым лицом болезненно-желтого цвета, которое вкупе с её лоснящимися темными волосами и меланхоличным видом, придавало ей сходство с портретами Ван Дейка.

Притаившись за рулонами кретона у окна, она наблюдала за разговором Дороти с мистером Уорбуртоном. Стоило только начать что-нибудь делать и при этом подумать, что ты не хочешь, чтобы миссис Семприлл тебя сейчас видела, можешь не сомневаться – она окажется поблизости. Казалось, она наделена была способностью материализоваться, как арабский джин, в любом месте, где бы она ни захотела. Ни один неблагоприятный поступок, каким бы незначительным он ни был, не мог ускользнуть от её бдительного взгляда. Как говорил мистер Уорбуртон, она была как четыре чудища из Апокалипсиса: «Глядят во все глаза и, помнится, не спят ни днём, ни ночью».

– Дороти, дорогая моя! – зашептала миссис Семприлл скорбным, заботливым голосом, каким сообщают плохую новость, стараясь смягчить удар. Должна сказать вам нечто страшное. Вы прямо-таки придёте в ужас!

– Что такое? – покорно отозвалась Дороти, прекрасно понимая, что за этим последует. У миссис Семприлл была только одна тема для разговоров. Они вышли из магазина и направились вдоль по улице; Дороти катила велосипед, а миссис Семприлл семенила сбоку деликатной птичьей походкой, и, так как замечания ее становились всё более и более интимными, придвигала рот все ближе и ближе к уху Дороти.

– Вы случайно не заметили, – начала она, – одну девушку, что сидит церкви в конце ряда у органа... милая такая девушка, с рыжими волосами? Понятия не имею, как её зовут, – добавила миссис Семприлл, которая знала в Найп-Хилле имя и фамилию каждого мужчины, женщины и ребенка.

– Молли Фриман, – сказала Дороти. – Она племянница мистера Фримана, зеленщика.

– А! Молли Фриман! Так её зовут? А я думала – гадала... Ясно...

Тонкий красный ротик придвинулся ближе, скорбный голосок перешёл в возмущённый шёпот. Миссис Семприлл начала извергать поток гнусной клеветы о Молли Фриман и шестерых молодых людях, работниках сахарорафинадной. Через несколько минут история стала настолько неприличной, что покрасневшая от услышанного Дороти поспешно отодвинула ухо от шепчущих губ миссис Семприлл. Дороти остановила велосипед.

– Я не собираюсь такое выслушивать! – резко проговорила она. Я знаю, это неправда, то, что вы говорите о Молли Фриман! Такого быть не может! Это хорошая, спокойная девочка – одна из лучших моих девочек-скаутов. И она всегда так хорошо помогала нам с церковными благотворительными базарами, да и во всем остальном. Я абсолютно уверена, что она не будет делать то, о чём вы рассказываете!

– Но Дороти, дражайшая вы моя! Я же сказала вам, что видела это своими собственными глазами...

– Не хочу и слышать! Неприлично говорить о людях такие вещи! Да если б даже это было правдой, такое нельзя рассказывать. В мире и так довольно зла – незачем ходить и специально его выискивать!

– Выискивать... – вздохнула миссис Семприлл. – Дороти, дорогая, можно подумать, что кто-то хочет всё это видеть, что кому-то это нужно! Проблема в том, что не все могут закрывать глаза на тот ужас, который творится в нашем городе.

Миссис Семприлл всегда искренне удивлялась, когда её обвиняли в выискивании скандальных историй. Ничто не доставляет ей больше боли, – возражала она, – нежели зрелище зла человеческого. А оно так постоянно и лезет в её не желающие того глаза, и только неискоренимое чувство долга заставляет её придавать подобные дела огласке. Замечание Дороти вместо того, чтобы заставить миссис Семприлл уgomониться, навело её на разговор о коррупции в Найп-Хилле в целом, где проступок Молли Фриман был всего лишь одним из примеров. Таким образом, от Молли Фриман и её шестерых молодых людей она перешла к доктору Гейторну, возглавлявшему медицинскую службу города, у которого в загородном отделении больницы было две медсестры с ребенком, а затем к миссис Корн, жене городского служащего, которую нашли в поле мертвецки пьяную с запахом одеколona, и далее, к викарию церкви Св. Видекинда в Миллборо, замешанном в грандиозном скандале с мальчиком-

певчим, и всё дальше и дальше, от одного к другому. Ибо не было во всем городе, да и во всех его окрестностях, ни души, о которой миссис Семприлл не рассказала бы какой-нибудь гнусный секрет, если б вы послушали её подольше.

Примечательно, что истории были не только грязными и клеветническими, но был еще в них налёт извращённости. Рядом с прочими городскими сплетницами она была все равно что Фрейд рядом с Бокаччо.

Если её послушать, то создавалось впечатление, что в Найп-Хилле, с его двухтысячным населением, было больше изощренного зла, чем в Содоме, Гоморре и Буэнос-Айресе вместе взятых. И право, если взглянуть на жизнь обитателей этого простенького городка за последнее время – от управляющего местного банка, растратившего деньги клиентов на своих детей от второй, внебрачной жены, до барменши из «Пса и Бутылки», обслуживающей клиентов в баре в одних лишь шелковых туфельках на высоких каблукках; от старенькой мисс Ченнон, учительницы музыки, тайно прикладывающейся к бутылочке с джином и увлекающейся анонимными письмами, до Мэгги Уайт, дочки булочника, родившей троих детей её собственному брату, и подумать обо всех этих людях, молодых и старых, богатых и бедных, погрязших во всевозможных чудовищных, прямо вавилонских грехах, удивляешься, как это огонь небесный до сих пор не сошел и не уничтожил этот город дотла. Но если послушать немного дольше, перечисление всех этих непристойностей сначала покажется монотонным, а затем и невыносимо скучным. Ибо в городе, где каждый либо двоеженец, либо педераст, либо наркоман, самое скандальное дело теряет свою остроту. Фактически, миссис Семприлл была не просто сплетница. Гораздо хуже – она была занудой.

Что же касается того, до какой степени люди верили в её истории, то здесь мнения расходились. Временами поговаривали, что она драная кошка с поганым языком, и что бы она ни говорила, это сплошная ложь. Но бывали случаи, когда её обвинения оказывали определённое действие, и тогда тому или иному несчастливцу требовались месяцы, а то и годы, чтобы от них отмыться. Несомненно, она сыграла главную роль в срыве доброй дюжины помолвок и бесчисленного количества ссор между мужьями и жёнами.

Дороти тем временем прилагала все усилия, чтобы отделаться от миссис Семприлл. Действуя постепенно, она уже перешла к другому краю тротуара и направила велосипед к бордюру с правой стороны. Однако миссис Семприлл следовала за ней, непрерывно нашептывая ей в ухо. И только в конце Хай-стрит

Дороти набралась достаточно мужества для бегства. Она остановилась и поставила правую ногу на педаль велосипеда.

– Я, и право, больше не могу задерживаться ни на минуту, – сказала она. – У меня ещё сотни дел. Я уже и так задержалась.

– Но Дороти, дорогая! У меня есть ещё кое-что – я должна вам это рассказать! Самое важное!

– Извините, я ужасно тороплюсь. Возможно, в другой раз.

– Я об этом ужасном мистере Уорбуртоне! – поспешно выпалила миссис Семприлл, дабы Дороти не сбежала, не услышав последних слов. – Он только что вернулся из Лондона, и видите ли... это я особенно хотела вам рассказать... знаете ли, он фактически...

Но тут Дороти поняла, что ей нужно исчезнуть моментально, чего бы это ни стоило. Ничего более несносного, чем обсуждение мистера Уорбуртона с миссис Семприлл, она представить себе не могла. Она села на велосипед и, бросив краткое «Извините, я не могу задерживаться», быстро покатила прочь.

– Я хотела вам сказать, что у него появилась новая женщина! – прокричала ей вслед миссис Семприлл, забыв даже о шёпоте, – столь смачной была эта пикантность.

Однако Дороти быстро завернула за угол, не оглянувшись назад и притворившись, что не расслышала эту новость. Недальновидно же она поступила! Прервать миссис Семприлл слишком резко... за такое можно и поплатиться. Любое нежелание выслушивать её сплетни миссис Семприлл истолковывала как признак испорченности, а это влекло за собой поток свежих и ещё более отвратительных сплетен уже о том, кто её вот так резко прервал.

По дороге домой Дороти одолевали злобные мысли о миссис Семприлл, за что она должным образом себя пощипывала. Пришла ей в голову и еще одна, довольно беспокойная мысль о том, что миссис Семприлл определенно могла знать о её сегодняшнем вечернем визите в дом мистера Уорбуртона, и вполне вероятно, что завтра раздует это до очередной скандальной истории. С этой мыслью, зародившей в душе Дороти предчувствие чего-то недоброго, она

соскочила с велосипеда у ворот дома, где городской дурачок Джек-простак, дебил с треугольным, словно клубника, красным лицом, бессмысленно хлестал столб веткой орешника.

§ IV

Было немногим больше одиннадцати. Августовский день, нарядившийся было не по сезону в наряды апреля, вспомнил наконец, что уже август, и разразился невероятной жарой. Так порой перезрелая, но не потерявшая надежды вдова разыграется, забыв ненароком, что ей не семнадцать.

Дороти въехала в Феннелвик, небольшое селение в миле от Найп-Хилла. Она уже отдала миссис Левин мозольный пластырь и собиралась забросить престарелой миссис Пайтер вырезку из «Дейли Мейл» о действии дягилевого чая при ревматизме. Распалившееся в безоблачном небе солнце жгло спину через клетчатое платьице, пыльная дорога дрожала от зноя, а жаркие луга в низине, над которым даже в это время года назойливо заливались жаворонки, зеленели так ярко, что на них больно было смотреть. Кому не нужно работать, говорят про такой день: «славный денёк».

Прислонив велосипед к калитке дома Пайтеров, Дороти достала из сумки платок и вытерла руки, вспотевшие за рулем велосипеда. При ярком солнечном свете лицо её казалось измученным и лишенным красок. В это время дня она выглядела на свой возраст, даже немного старше. В течение дня – а он у неё длился семнадцать часов – периоды усталости чередовались с приливами энергии. Середина утра, когда она выполняла первую часть своих «визитов», была периодом усталости.

Из-за больших расстояний от дома к дому, которые ей приходилось проезжать на велосипеде, «визиты» эти занимали у Дороти почти полдня. Не было дня в её жизни, за исключением воскресений, когда она не делала бы полдюжины, а то и дюжины визитов в дома прихожан. Она входила в тесные помещения, садилась на хромые, пропитанные пылью стулья, болтала с измождёнными работой, растрёпанными домохозяйками. Она урывала полчаса на то, чтобы помочь каждой штопать и гладить, читала им главы из Евангелия, поправляла бинты на больной ноге и утешала страдающих от токсикоза беременных, играла в

лошадки с дурно пахнущими детками, которые своими липкими грязными пальчиками теребили её платье на груди, давала советы, как ухаживать за заболевшей аспидистой и какое имя выбрать для новорожденного, ну и выпивала несчётное количество «чашечек вкусного чая», так как женщины работающие всегда хотели, чтобы она выпила с ними «чашечку вкусного чая» из бесконечно завариваемого заварного чайника.

По большей части работа эта не приносила результатов. Немногие, совсем немногие из женщин, казалось, имели какое-то представление о том, что такое христианская жизнь, к которой Дороти старалась их направить. Одни были робки и подозрительны, занимали оборонительную позицию и придумывали отговорки, когда она убеждала их приходиться причащаться. Другие притворялись набожными, ради тех грошей, которые можно было выпросить из церковной милостыни. Те же, кто принимал её с удовольствием, по большей части были болтливы: им нужна была аудитория, чтобы пожаловаться на похождения мужей, аудитория для их бесконечных историй о покойниках («... и пришлось ему стекляшки втыкать прямо в вены...» и т. д.), об отвратительных болезнях, ставших причиной смерти их близких. Добрая половина женщин в списке – и Дороти это знала – в душе была настроена атеистически, особенно не размышляя на этот счёт. Весь день она сталкивалась со столь характерным для людей безграмотных безразличным, тупым неверием, против которого все доводы бессильны. Исполняя каждодневно все свои обязанности, она никак не могла поднять число регулярных прихожан до дюжины или около того. Женщины обычно давали обещания, месяц или два эти обещания выполняли, а потом уходили. Особенно безнадёжно обстояло дело с молодыми женщинами. Они не вступали даже в местные отделения церковных лиг, организованные специально для них (Дороти была ответственным секретарём трех из таких лиг, да еще старостой в «Наставнике девиц».) В «Группе надежды» и «Брачном союзе» практически не было постоянных членов, а «Союз матерей» держался только за счёт швейных вечеринок, привлекавших сплетнями и неограниченным количеством крепкого чая. Да, это был безнадёжный труд, настолько безнадёжный, что временами все усилия могли бы показаться тщетными, могли бы... если б не было известно, кому служит тщета, – это изощреннейшее оружие в руках дьявола. Дороти постучалась в перекошенную дверь Пайтеров, из-под которой сочился грустный запах вареной капусты и помоев. Благодаря многолетнему опыту Дороти не только знала, но и могла предсказать заранее неповторимый запах каждого дома в округе. Были здесь и в высшей степени исключительные запахи. Например, тот соленый, звериный запах, что обитал в доме старого мистера Томса, бывшего книжного торговца, который целый день пролеживал в кровати, в своей затемнённой комнате. Только длинный,

запылившийся нос, да очки с толстыми линзами торчали из-под некоего мехового покрывала огромного размера и богатейших расцветок. Но стоило положить вам руку на меховое покрывало, как оно распадалось, мгновенно разлеталось на многие кусочки и разбегалось в разные стороны. Состояло оно исключительно из кошек... точнее, из двадцати четырёх кошек. Мистер Томс, как он обычно это объяснял, обнаружил, что «они не дают ему замерзнуть». Почти в каждом доме был общий, характерный запах – старых пальто и помоев, но на него накладывались ещё и другие, индивидуальные запахи, как то: запах сточных вод, запах капусты, детские запахи, сильный, похожий на вонючий бекон, затхлый запах пропитанных потом рабочих штанов.

Миссис Пайтер открыла дверь, неизбежно застревающую из-за перекоса дверной коробки, а потом, когда удастся все-таки её развернуть, сотрясающую весь дом. Это была большая сутулая серая женщина, с редкими седыми волосами, в висящем мешком фартуке и шаркающих матерчатых шлепанцах.

– Никак это мисс Дороти, – проговорила она монотонным, безжизненным голосом, который, однако, нельзя было назвать недружелюбным.

Она обхватила Дороти своими большими, скрюченными руками. Суставы её рук, от возраста и бесконечного мытья посуды, были блестящими, словно очищенные луковицы. Наградив Дороти влажным поцелуем, она увлекла её в глубины своего неопрятного жилища.

– Пайтер на работе, мисс, – объявила она, когда они оказались внутри. – У доктора Гейторна – вскапывает для него цветочные клумбы.

Мистер Пайтер подрабатывал садовником. Им с женой было за семьдесят, и они являли собой одну из немногих истинно верующих пар в списке посетителей Дороти. Жизнь миссис Пайфер можно сравнить с жизнью червя, переползающего с места на место. Шаркающими шагами, переходила она туда-сюда, испытывая ещё и постоянные страдания от растяжения шейной мышцы: потолочные дверные балки, перекладины у колодца, раковина, камин, крошечный садик у кухни, – всё было для неё слишком низким. На достойно убранной кухне было удручающе жарко, зловонно, и пропитано вековой пылью. В дальнем конце напротив камина из засаленных салфеток, положенных перед недействующей фисгармонией, миссис Пайтер устроила нечто вроде аналя, венчавшегося олеографией распятия с вышитой бисером надписью «Смотри и молись» и фотографией мистера и миссис Пайтер, сделанной во время их

свадьбы в 1882 году.[20 - Олеография – вид цветного полиграфического воспроизведения картин, выполненных масляными красками.]

– Бедный Пайтер, – продолжала миссис Пайтер мрачным голосом, – ему, в его-то годы, да клумбы копать! Это с его ужасным ревматизмом! Не жестоко ли это, мисс? И еще у него боли какие-то, между ног, дак он, похоже, с этим совсем не считается. А ведь ужасно чувствовал себя из-за них, все эти несколько дней по утрам! Не горько ли все это, мисс? Вся эта жизнь, которую мы, рабочий люд, вынуждены вести!

– Это постыдно, – ответила Дороти. – Надеюсь, вы чувствуете себя получше, миссис Пайтер?

– Ах, мисс, мне уж ничего не поможет! Это не тот случай – меня не вылечить. В этом мире, так точно. Никогда уж не буду я себя чувствовать лучше в этом злосчастном мире, на этой земле.

– О, вы не должны так говорить миссис Пайтер! Надеюсь, вы будете с нами еще долгое время.

– Ох мисс, вы и не представляете, как плохо мне было на этой неделе. Ревматизм этот всё прихватывает сзади мои старые ноженьки. Бывает, что утром чувствую, что и не дойду до грядки сорвать пучок лука в огороде. Ах мисс, в каком же мрачном мире мы живем! Разве нет, мисс? В мрачном, грешном мире.

– Но мы ведь не должны забывать, миссис Пайтер, что нас ждёт лучший из миров. Эта жизнь – лишь время испытания. Оно нужно нам, чтобы укрепить нас и научить терпению, чтобы мы готовы были к жизни на небесах, когда настанет наш час.

Внезапно с миссис Пайтер произошли удивительные изменения. И вызвало их слово «небеса». У миссис Пайтер для разговоров было только две темы: первая – о радостях жизни небесной, а вторая – о тяготах её настоящего существования. Замечание Дороти подействовало на нее как бальзам. Потухшие серые глаза миссис Пайтер уже неспособны были просветлеть, зато голос наполнился живостью и почти радостным энтузиазмом.

– Ах, мисс! Вот вы и сказали это! Точное ваше слово, мисс! Так и мы с Пайтером всё себе повторяем. Да только одно это нас и поддерживает... одна только мысль о небесах и о долгом, долгим отдыхе, что нас там ждет! Всё, что мы здесь перестрадали, там-то нам зачтётся. Не так разве, мисс? Каждая капля страданий воздастся сполна в стократ... в тысячекрат! Не так ли, мисс? Для всех нас, на небесах-то отдых уготован – отдых да покой, и никакого тебе ревматизма... ни копать, ни стряпать, ни стирать – ничего не надо! Точно ли вы верите в это, мисс Дороти?

– Конечно! – отозвалась Дороти.

– Ах мисс, если б вы знали, как это нас утешает! Одна только мысль о небесах! Пайтер-то, он мне говорит всегда, как приходит домой вечером, усталый, да как ревматизм у нас разыграется... «Не горюй, дорогая моя, – говорит он мне, – не далеко уж нам до небес, – говорит. – Небеса-то, – говорит, – для таких как мы и есть. Только для бедного рабочего люда, как мы, кто трезвенником был да благочестивым, да и причащался регулярно». Да так и лучше всего, мисс Дороти... правда же? Кто бедный в этой жизни, да в следующей богат. Не то, что у этих богатых, со всеми их машинами да домами прекрасными... Ничто не спасёт их от смерти и разложения, от огня неугасимого. Ах, вот это слова! А не можете ли вы немного помолиться со мной, мисс Дороти? Всё утро жду я с нетерпением, когда ж мы немного помолимся...

Миссис Пайтер всегда готова была «немного помолиться», в любое время дня и ночи. Для неё «маленькая молитва» была все равно что «чашечка чая». Они опустили на колени на коврик и прочли «Отче Наш» и недельную молитву. А затем Дороти, по просьбе миссис Пайтер, прочла притчу о богатом и Лазаре, и миссис Пайтер вставляла своё «Аминь! Право слово, так ведь, мисс Дороти? «И вознесён он был ангелами прямо к Аврааму!» Прекрасно! Я точно говорю, это лучше самого прекрасного! Аминь, мисс Дороти! Аминь!»

Дороти отдала миссис Пайтер вырезку из «Дейли Мейл» о дягилевом чае от ревматизма, а затем, выяснив, что миссис Пайтер сегодня так «плоха», что не в силах наносить себе воды на день, принесла ей из колодца три полных ведра. Колодец этот был очень глубоким, с низким бортиком по краям, и у него не было даже ворота – приходилось вытягивать ведро, перебирая руками. Наверняка, самым последним фатальным местом для миссис Пайтер станет именно этот колодец, туда она упадёт и утонет... И потом они присели на несколько минут, и миссис Пайтер еще немного поговорила о небесах. Удивительно, как это

получалось, что небеса постоянно завладевали её мыслями. Хотя еще более удивительна яркость и реальность картины, которую она видела. Золотые улицы и ворота из восточного жемчуга казались ей настолько реальными, будто были у неё перед глазами. И картина эта не лишена была самых конкретных, самых земных деталей. Здесь были мягкие постели! Деликатесы на столе! Прекрасная шелковая одежда, каждое утро – свежая! Освобождение навеки от труда в любом его виде! Во все периоды её жизни эта картина Небес была поддержкой и опорой. Удовлетворение от мысли о том, что «бедный рабочий люд», в конце концов, станет главным обитателем небес, любопытнейшим образом умеряло её малодушные жалобы об этом «бедном рабочем люде». То была своего рода сделка, на которую она пошла, согласившись на изнурительный труд во время жизни на земле ради вечного блаженства. Вера её была какой-то уж слишком сильной, если такое возможно. Ибо стоит отметить тот любопытный факт, что от этой уверенности, с которой миссис Пайтер ждала Небес, как некоего шикарного приюта для неизлечимо больных, Дороти чувствовала себя на удивление неловко.

Дороти приготовилась уходить, и миссис Пайтер слишком уж бурно благодарила её за визит, добавляя все новые и новые жалобы на свой ревматизм.

– Ну конечно, я попробую этот дягилевый чай, – заключила она. – И спасибо вам огромное, что вы мне рассказали о нём, мисс. Да я не думаю, что мне это что-то даст. Ах, если б вы знали, мисс, как мучил меня этот ревматизм всю эту неделю! Прямо по ногам сзади, такие боли, точно раскаленной докрасна кочергой водят! А я и не могу достать как следует до этих мест. Ах, не слишком ли это будет, мисс, если я попрошу вас немного растереть мне ноги сзади перед тем, как вы уйдёте? Там у меня под раковиной бутылочка с настойкой Эллимана.

Когда миссис Пайтер отвернулась, Дороти со всей силой ущипнула себя. Она знала, что так получится! Сколько раз уже это повторялось! Не получает она удовольствия, растирая ноги миссис Пайтер! – жестоко укоряла себя Дороти. Ну же, Дороти! Прочь заносчивость! Пожалуйста... Иоанн, 13,14.

– Конечно, миссис Пайтер, – отозвалась она в тот же миг.

Они поднялись вверх по узкой шаткой лестнице. В одном месте пришлось сгибаться почти вдвое, чтобы не удариться о нависающий потолок. Свет в спальню проникал через единственное крошечное квадратное окошечко, зажатое в раме обвившим его со стороны улицы плющом, а потому не

открывавшееся уже двадцать лет. Огромная кровать, с вечно влажными простынями и скатавшимся матрасом (по количеству бугров и впадин не уступавшему карте рельефа Швейцарии), занимала почти всё пространство комнаты. Не переставая стонать, старая женщина забралась на кровать и улеглась лицом вниз. Вся комната провоняла мочой и лекарствами. Дороти взяла бутылку с растиранием Эллимана и стала тщательно смазывать большие, с набухшими серыми венами, дряблые ноги миссис Пайтер.

На улице, в расплывающемся зное, Дороти села на велосипед и быстро покатила по направлению к дому. Солнце обжигало лицо, но воздух казался сладким и свежим. Она была счастлива. Счастлива! Всегда после того, как утренние «визиты» заканчивались, она была счастлива до неприличия. И странное дело: причину Дороти не осознавала. На лугу молочной фермы Борлейза, по колено в блестящем море травы, бродили рыжие коровы. Запах коров, вобравший в себя аромат ванили и свежего сена, щекотал ноздри Дороти. Несмотря на добрую половину утренней работы, которая ждала её впереди, Дороти не могла не поддасться соблазну и на минутку не задержаться, придерживая одной рукой велосипед у ворот у луга Борлейза, а тем временем корова с влажным носом, похожим на розовую морскую раковину, почёсывала подбородок о заборный столб и задумчиво разглядывала Дороти.

На глаза Дороти попался растущий за забором шиповник, конечно же, без цветов, и она перелезла через ворота посмотреть, шиповник ли это или сорт дикой розы. Дороти встала на колени среди высокой травы у забора. Здесь, близко к земле, было очень жарко. В ушах звучало гудение невидимых насекомых, а горячее летнее дыхание переплетающихся растений плыло в воздухе и обволакивало Дороти. Поблизости росли высокие стебли фенхеля, чьё ветвящееся зеленое убранство напоминало хвосты зеленых морских коньков. Дороти притянула листву фенхеля к лицу и вдохнула его сильный сладкий аромат. Пьянящая сила аромата ошеломила, у неё немного закружилась голова. Она пила аромат, наполняя им лёгкие. Милый, милый запах – запах летних дней, запах радостного детства, запах пропитанными пряностями островов и теплой пены восточных морей.

Внезапная радость переполнила сердце. Эту мистическую радость от красоты мира, от естественной природы всех вещей она воспринимала, возможно, ошибочно, как проявление божественной любви. Стоя вот так на коленях, в этой жаре, одурманенная сладким ароматом трав и сонным жужжанием насекомых, она, казалось, на мгновение услышала величественный гимн восхваления,

который непрестанно посылает земля и всё сотворенное на ней самому создателю. Вся растительность, листья, цветы, трава, лучились светом и вибрировали, издавали крик радости. Им вторили жаворонки, целый хор невидимых жаворонков лил с неба свою музыку. Все богатства лета: тепло земли, пение птиц, запах коров, жужжание несметного количества пчёл, – всё это смешивалось и возносилось как дым вечно курящихся алтарей. И значит, с ангелами и архангелами! Дороти начала молиться, и какое-то время молилась горячо и блаженно, забывшись в радостном восхвалении. Ещё минута, и она поняла, что целует веточку фенхеля, которую прижимает к лицу. Она тут же одернула себя и отпрянула назад. Что она делает? Богу ли она поклонялась сейчас, или всего лишь земле? Радость отхлынула от её сердца, а ей на смену пришло холодное, неприятное чувство, будто она только что предавалась экстазу сродни языческому. Она стала корить себя: только не это, Дороти! Никакого обожествления природы, ну, пожалуйста! Отец предостерегал её от обожествления природы! Не одну его проповедь об этом она прослушала. Он говорил, что это чистый пантеизм, и больше всего его оскорбляло то, что эта отвратительная причуда стала модной. Дороти взяла шип дикой розы и три раза воткнула его себе в руку, дабы напомнить себе о том, что у троицы три лица, и только после этого перемахнула через ворота и села на велосипед.

Из-за угла изгороди выкатилась и стала приближаться к ней черная, очень пыльная плоская шляпа с широкими полями.[21 - Такого типа шляпы носили англиканские священники.]

Это был отец МакГуайр, священнослужитель Римской католической церкви, как и Дороти, совершающий свои велосипедные объезды. Очень большой, пухлый мужчина, до того большой, что велосипед под ним казался предназначенным для карликов, он балансировал на его верхушке и походил на мяч для гольфа на Т-образной подставке. Лицо у него было забавное, розовое и немного хитроватое.

Внезапно Дороти изменилась в лице: сейчас она казалась несчастной. Она вдруг вспыхнула, а рука её инстинктивно потянулась поближе к золотому крестику, что висел под платьем у неё на шее. Отец МакГуайр ехал ей навстречу с безмятежным, слегка удивленным видом. Она сделала попытку улыбнуться и с несчастным видом произнесла: «Доброе утро». Но он проехал мимо, никак не отреагировав; взгляд его невозмутимо скользнул по её лицу и проследовал дальше, в пространство, с изумительным притворством демонстрируя, что он её не замечает.

Это было публичное оскорбление. Дороти, которая по своей природе – увы! – была столь далека от публичных оскорблений, села на велосипед и покатила прочь, стараясь побороть в себе далеко не милосердные мысли, которые неизбежно вызывали у неё встречи с отцом МакГуайром. Пять или шесть лет назад, когда отец МакГуайр служил на похоронах на церковном кладбище у храма Св. Этельстана (в Найп-Хилле не было римского католического кладбища), между ним и Пастором разгорелся спор о пристойности, или непристойности, церковной одежды отца МакГуайра, и два священнослужителя непристойно разбранились над не закопанной еще могилой. С тех пор они друг с другом не разговаривали. Так-то и лучше, сказал тогда Пастор.

Что же до прочих священнослужителей в Найп-Хилле, конгрегационалиста мистера Уарда, мистера Фоули, пастора Уэслианской церкви, и крикливого лысого пресвитера, устраивавшего оргии в церква Эбейзера, – Пастор прямо называл их группой вульгарных диссентеров и запрещал Дороти под страхом лишиться его расположения поддерживать с ними какие бы то ни было отношения.[22 - Диссентеры – протестантские секты, отделившиеся от Англиканской церкви. Конгрегационализм – радикальная ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию каждой поместной общины (конгрегации). Уэслианин – член Нонконформистской церкви, выросшей из евангелистского движения, начатого Джоном Уэсли.]

§ V

Было двенадцать часов. В большой полуразвалившейся оранжерее, стеклянная крыша которой под воздействием времени и грязи стала такой тусклой и позеленевшей, что, как старое римское стекло, переливалась разными цветами, проходила торопливая и шумная репетиция «Карла I».

Дороти фактически не принимала участия в репетиции – она занималась изготовлением костюмов. Она делала костюмы, или их большую часть, для всех пьес, в которых играли школьники. Режиссура и постановка были в руках Виктора Стоуна, которого Дороти называла церковным учителем. Это был черноволосый молодой человек двадцати семи лет, мелкого телосложения, легко возбудимый, одетый в темную одежду на манер церковнослужящего. В данный момент он, с пачкой манускриптов в руке, отчаянно жестикулировал

перед шестью оторопелого вида детьми. На длинной скамье у стены еще четверо детей попеременно тренировали «шумовые эффекты», гремя каминными щипцами, и выясняли отношения над засаленным пакетиком с мятными леденцами, сорок за пенни.

В оранжерее было ужасно жарко; здесь стоял сильный запах клея и кислого детского пота. Стоя на коленях на полу, с кучей булавок во рту и ножницами в руке, Дороти быстро разрезала листы коричневой бумаги на длинные полосы. Рядом с ней на примусе в горшочке закипал клей, а за её спиной, на шатком, заляпанном чернилами рабочем столе рядом с её швейной машинкой, лежала груда сделанных наполовину костюмов, листы коричневой бумаги, мотки бечёвки, кусочки сухого клея, деревянные мечи и открытые баночки с краской. Мысли Дороти наполовину занимали ботфорты семнадцатого века, которые необходимо было сделать для Карла Первого и Оливера Кромвеля, а наполовину – злые крики вошедшего в раж Виктора, – обычное для него дело на репетициях. Будучи прирожденным артистом, он тяготился нудной работой – этими репетициями с глупыми детьми. Он расхаживал взад-вперёд, набрасываясь на детей в экспрессивно-грубом стиле. Время от времени он хватал со стола меч и делал выпад то на одного, то на другого.

– Да вдохни же ты в это хоть немного жизни! Что, не можешь? – кричал он, тыкая мечом в мальчика лет одиннадцати с воловьими глазами. – Да не бубни! Вложи хоть какое-то значение в то, что говоришь! Ты похож на труп, который похоронили, а потом опять раскопали. Ничего хорошего не выходит, когда всё это булькает где-то у тебя внутри! Встань прямо и выкрикни всё вот ему! Оставь уже это выражение второго убийцы!

– Подойди сюда, Пёрси! – прокричала Дороти сквозь булавки, – Быстренько!

Она делала доспехи из клея и коричневой бумаги – самая противная работа, если не считать эти несчастные ботфорты. Имея такую большую практику, Дороти из клея и коричневой бумаги могла сделать почти всё. Могла даже сделать довольно сносный, совсем неплохой парик – из коричневой бумажной шапочки и крашеной пакли вместо волос. Год за годом огромное количество времени уходило у неё на сражение с клеем, коричневой бумагой, марлей и прочими атрибутами любительских спектаклей. Церковные фонды хронически нуждались в деньгах, а потому не проходило и месяца, чтобы не устраивали показы то школьных пьес, то представлений, то живых картин, не говоря уж о благотворительных базарах и ярмарках.

И вот Пёрси, маленький кудрявый мальчуган Пёрси Джёвет, сын кузнеца, слез со скамьи и с несчастным видом, непрерывно дёргаясь, стоит перед Дороти, а она, схватив лист коричневой бумаги, прикладывает его, примеряет, вырезает горловину и проймы для рук, и, приложив к его телу, быстро прикалывает булавками, придавая форму нагрудника кирасы.[23 - Кираса – элемент исторического нательного защитного снаряжения, состоящий из грудной и спинной пластин, изогнутых в соответствии с анатомической формой груди и спины человека.]

Виктор: Входи же,ходи! Входит Оливер Кромвель – это ты! Думаешь, Оливер Кромвель пресмыкается как собака, выползающая из своего укрытия? Встань прямо! Выпяти грудь! Сделай сердитый взгляд! Так-то оно лучше. А теперь продолжай. Кромвель: «Стоять! У меня в руке пистолет!» Продолжай!

Девочка: Мисс, пожалуйста! Мама велела, чтоб я вам сказала! Мисс...

Дороти: Стой спокойно, Пёрси. Бога ради, постой спокойно!

Кромвель: Штотать! У меня пиштолет в луке!

Маленькая девочка на скамейке: Мистер! Я уронила свою конфетку! (Хнычет) Я уронила конфеткуууу...

Виктор: Нет-нет, Томи! Нет-нет-нет!

Девочка: Пожалуйста, мисс... Мама велела, чтоб я вам сказала! Иначе она не купит мне брючки, как обещала, мисс, потому что...

Дороти: Если ты ещё раз так сделаешь, я проглочу булавку!

Кромвель: Стоять! У меня пистолет...

Маленькая девочка (в слезах): «Моя конфеткааааа...

Дороти схватила кисть для клея и с лихорадочной быстротой стала намазывать все бумажные полоски на груди Пёрси: сверху донизу, туда-сюда, одна на

другую, останавливаясь только когда бумага прилипала к пальцам. Через пять минут из коричневой бумаги и клея она соорудила кирасу настолько прочную, что в сухом состоянии та могла противостоять настоящим ударам меча. Пёрси, «закованный с головы до ног в броню», которая своим острым бумажным краем резала ему подбородок, смотрел на себя сверху вниз с несчастным смиренным выражением принимающего ванну пса. Взяв ножницы, Дороти сделала разрез на доспехах с одной стороны, поставила их набок сохнуть, а сама немедленно принялась за другого ребёнка. Тут разразился страшный грохот из группы «шумовых эффектов», начавшей практиковать пистолетные выстрелы и галоп лошадей. Пальцы Дороти слипались все сильнее и сильнее, но она время от времени споласкивала их от клея в ведерке с горячей водой, которое держала наготове. Через двадцать минут еще три кирасы были почти готовы. Оставалось только покрыть их алюминиевой краской и приделать шнуровку по бокам. После этого нужно еще соорудить набедренники и, что хуже всего, соответствующие шлемы. Виктор, жестикулируя и перекрывая грохот галопирующих коней, попеременно перевоплощался в Оливера Кромвеля, Карла Первого, пуритан, кавалерию, крестьян и придворных дам. Дети уже начинали капризничать, зевать, похныкивать и обмениваться чувствительными пинками и щипками. Отложив на минутку доспехи, Дороти смела со стола мусор и выдвинула швейную машинку, чтобы приступить к работе над зелеными бархатными камзолами для кавалерии. В работу пошла выкрашенная в зеленый цвет марля – на расстоянии выглядело довольно нормально.

Ещё десять минут лихорадочной работы. У Дороти порвалась нитка. «Черт», – чуть было не вылетело у неё, но она вовремя себя одёрнула и поспешно вставила другую. Дороти старалась обогнать время. До постановки оставалось всего две недели, а ещё так много не сделано! Впереди шлемы, камзолы, мечи, ботфорты (эти несчастные ботфорты преследовали её последнее время по ночам), ножны, оборки, парики, шпоры, декорации – стоило только об этом подумать, как ей становилось дурно. Родители детей никогда не помогали с костюмами для детских постановок. Точнее, они всегда обещали помочь, а потом отказывались. У Дороти дьявольски разболелась голова – отчасти из-за жары в оранжерее, отчасти от напряжения, вызванного одновременным шитьем камзолов и попытками создать воображаемые варианты ботфорт из коричневой бумаги. На какой-то миг даже мысль о счёте в двадцать два фунта семь шиллингов и девять пенсов у Каргилла вылетела у неё из головы. Она не могла думать ни о чём, кроме страшных гор не сшитой одежды, поджидающих её впереди. Вот так проходил её день. На неё наваливалась одна проблема за другой, будь то костюмы для школьной постановки или проваливающиеся полы колокольни, долги в магазинах или заросший вьюнками горох, – и каждая из

этих проблем такая неотложная, такая неотвязная, что все остальные отходили на задний план.

Виктор бросил деревянный меч, достал часы и посмотрел на них.

– Хватит! – сказал он резким безжалостным тоном. Он всегда так разговаривал с детьми. – Продолжим в пятницу. Освободить помещение! Всем! Меня уже тошнит от одного вашего вида.

Виктор проводил детей взглядом и забыл об их существовании в тот же миг, как они скрылись из виду. Он тут же достал из кармана листок с нотами и начал нервно похаживать взад-вперед, косо поглядывая на два заброшенных растения в углу, на их мертвые коричневые отростки, свесившиеся через края горшков. Дороти, склонившись над машинкой, всё еще выводила швы на бархатных камзолах.

Виктор, это неугомонное, умное маленькое создание, был счастлив только когда ссорился с кем-либо по какому-либо поводу. На его бледном лице с правильными чертами застыло выражение, которое могло показаться выражением неудовлетворенности, хотя на самом деле то была мальчишеская горячность. Люди, встречавшие его впервые, обычно говорили, что он растрчивает свои таланты на неблагодарной работе деревенского школьного учителя. Однако правда состояла в том, что у Виктора не было никаких особенных талантов, за исключением незначительных музыкальных способностей и более ярко выраженного дара общения с детьми. Не преуспевший на других поприщах, он отлично справлялся с детьми: относился к ним надлежащим образом – безжалостно. Несомненно, как и многие другие, он презирал этот свой особый талант. Его интересы были исключительно в сфере церковной. Он был, что называется церковный молодой человек. Он всегда жаждал вступить в лоно Церкви, стать священнослужителем, что он непременно бы сделал, если бы обладал головой, способной выучить греческий и иврит. Не допущенный в духовенство, он, естественным образом, занял должность учителя и органиста при церкви. Это позволяло ему оставаться, если так можно выразиться, в пределах церкви. Легко догадаться, что он был англо-католиком, самой воинственной породы в «Чёч Таймсе»: клерикальнее представителей духовенства, знаток истории Церкви, эксперт по одежде священнослужителей, готовый в любой момент разразиться гневной тирадой в адрес модернистов, протестантов, учёных, большевиков и атеистов.

– Я тут всё думала, – сказала Дороти, остановив машинку и отрезав нитку, – что, если мы сможем достать достаточное количество старых шляп-котелков, можно было бы сделать из них шлемы. Отрезать поля, наклеить бумагу нужной формы и покрыть всё серебряной краской.

– О, Боже! Зачем забивать голову такими вещами? – воскликнул Виктор, потерявший интерес к постановке, как только закончилась репетиция.

– Но больше всего меня беспокоят эти несчастные ботфорты! – продолжала Дороти, разложив на коленях камзол и разглядывая его.

– Ах, забудьте уже о ботфортах! Отставим пьесу хоть на время. Посмотрите сюда! – сказал Виктор, разворачивая страницу с нотами. – Я хочу, чтобы вы поговорили с отцом, замолвили за меня слово. Спросите у него, можно ли нам устроить процессию в следующем месяце.

– Ещё одну процессию? Зачем?

– Ну, я не знаю... Всегда можно найти повод для религиозной процессии. Восьмого числа – Р. Д. М. – я бы сказал, очень подходит для процессии.[24 - Р.Д.М. – Рождество Девы Марии.] Всё сделаем в стиле. У меня есть восторженный гимн – великолепный! Они его промычат. А в церкви Св. Видекинда в Миллборо можно позаимствовать синюю хоругвь с изображением Девы Марии. Одно его слово – и я сразу начну репетировать гимн.

– Вы же знаете, он скажет «нет», – ответила Дороти, вставляя нитку в иголку, чтобы пришить пуговицы к камзолу. – На самом деле он не одобряет процессий. Лучше уж его не просить и не злить.

– Чёрт возьми! – воскликнул Виктор. – Уж не один месяц прошел, как у нас не было процессий. А какие мертвенно-скучные службы здесь проходят! Я таких никогда не видывал. Посмотришь на нас, так можно подумать, что мы какой-нибудь баптистский молельный дом, или что-то в этом роде!

Виктор беспрестанно раздражался из-за той нудной правильности, с какой Пастор проводил службу. Его идеалом было, говоря его словами, «подлинное католическое богослужение», что означало бесчисленные курящиеся фимиамы, позолоченные образы, римские облачения. Как органист, он всегда был за

многочисленные церковные процессии, чувственную музыку, изысканное пение во время литургии, поэтому они, каждый со своей стороны – и он, и Пастор – считали, что другой лезет не в своё дело. И в данном споре Дороти была на стороне отца. Будучи воспитана в сдержанном духе *via media* англиканства, она отвергала и даже отчасти побаивалась всего «ритуалистического».[25 - *Via media* (лат.) – посередине. В философии обозначает умеренность во всём: и в мыслях, и в поступках.]

– Да чёрт возьми! – продолжал своё Виктор. – Процессия, это ж так весело! Все идут по этому проходу, а потом через западную дверь, и обратно, через южную дверь. А сзади – хор со свечами и бойскауты впереди с хоругвью. Замечательно бы смотрелось. Приветствую тебя, благословенный день торжества! Искусство прославляет тебя навеки... – пропел он тонким, но не лишенным мелодичности голосом. – А будь моя воля, – добавил он, – я бы еще в это же время поставил парочку мальчиков размахивать веселенькими кадилъцами с благовониями.

– Я понимаю. Но вы же знаете, как отец не любит подобные вещи. Особенно когда всё это связано с Девой Марией. Он говорит, что это – римские излишества, и ведут они к тому, что люди крестятся и становятся на колени не вовремя, и Бог знает что еще. Вы ведь помните, что случилось во время Рождественского поста?

В прошлом году Виктор, под свою ответственность, выбрал один из Рождественских гимнов (номер 642), в котором рефреном повторялась: «Славься Мария, славься Мария, славься Мария и милосердие твоё». Такие «папистские» строчки привели Пастора в ярость. В конце первого стиха он демонстративно отложил книгу гимнов, развернулся на своей кафедре лицом к прихожанам и стоял, глядя на них с таким каменным лицом, что мальчики певчие сбились и едва не попадали в обморок. Потом он говорил, что, услышав эти выкрики деревенщины «Славься Мария», он подумал, что попал в пивной бар «Пёс и бутылка».

– Чёрт возьми! – сказал Виктор обиженным голосом. – Когда я пытаюсь вдохнуть хоть каплю жизни в церковную службу, ваш отец вечно всё растопчет. Он не разрешает нам ни благовония, ни приличной музыки, ни надлежащей одежды – ничего! И каков результат? Мы не можем заполнить церковь людьми и на четверть даже в Пасхальное Воскресенье. Да и в обычный воскресный день оглядитесь вокруг: приходят только бойскауты да гёрлскауты, да несколько старушек.

– Я знаю. Это ужасно, – признала Дороти, пришивая пуговицу. – И кажется, это не зависит от наших действий. Мы никак не можем сделать, чтобы люди шли в церковь. Но все же они приходят к нам венчаться, хоронить... Не думаю, что в этом году работа в нашей конгрегации пошла на спад. На Пасху пришли почти двести человек.

– Двести! А должно быть две тысячи! Всё население этого города. Дело в том, что три четверти населения этих мест никогда и близко к церкви не подходят. Церковь утратила своё влияние над людьми. Они не знают, что она вообще существует. А всё почему? Вот к чему я веду. Почему?

– Думаю, это все из-за науки, свободомыслия, ну и всего такого, – довольно назидательно заявила Дороти, цитируя своего отца.

Это замечание увело Виктора в сторону от того, что он хотел сказать. Перед этим он собирался заявить, что конгрегация Св. Этельстана приходит в упадок из-за занудства церковной службы, однако ненависть к словам «наука» и «свободомыслие» направили его совсем по другому руслу.

– Конечно! Это всё так называемое свободомыслие! – воскликнул он, возобновив нервные движения по оранжерее. А всё эти свиньи-атеисты – Бертран Рассел и Джулиан Хаксли и всё их сборище. А Церковь разрушает именно то, что мы, вместо того, чтобы остроумно отвечать им и выставлять их дураками и лгунами (каковы они, собственно говоря, и есть), сидим себе тупо на месте и даём им возможность распространять их зверскую атеистическую пропаганду как им вздумается! И, несомненно, это всё вина епископов! (Как любой англокатолик, Виктор глубоко презирал епископов.) – Все они прислужники власти! Разрази меня гром! – добавил он весело и помедлив спросил: Вы видели моё письмо в «Чёч Таймсе» на прошлой неделе?[26 - Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970 гг) – британский философ, логик, математик и общественный деятель. Известен своими работами в защиту пацифизма, атеизма, либерализма и левых политических течений. Джулиан Сорелл Хаксли (1887–1975 гг) – английский биолог, эволюционист и гуманист, политик. Термины англокатолицизм, англиканский католицизм и католическое англиканство относятся к людям, убеждениям и практикам в рамках англиканства, которые подчёркивают католическое наследие и идентичность различных англиканских церквей.]

– Нет. Боюсь, что нет, – ответила Дороти, удерживая ещё одну пуговицу большим пальцем в том месте, куда нужно было её пришить. – О чём оно?

– О! О епископах-модернистах и всём таком прочем. Хорошо я разделал старину Барнса!

Редкая неделя проходила, чтобы Виктор не написал письмо в «Чёч Таймс». Он был в гуще всех споров и в первых рядах нападающих на модернистов и атеистов. Он дважды участвовал в схватке с доктором Мэйером, писал полные испепеляющей иронии письма декану Инджу и епископу Бирмингемскому, не побоялся напасть даже на самого ужаснейшего Рассела – да Рассел, конечно, не осмелился ему ответить. Дороти, сказать по правде, очень редко читала «Чёч Таймс», да и Пастор начинал злиться, стоило ему завидеть хоть один экземпляр этой газеты в его доме. Единственной газетой, которую они еженедельно получали в приходе была «Хай Чёчменз Газет» с очень небольшим, доступным немногим тиражом – замечательный анахронизм Высоких тори.[27 - Высокие тори – приверженцы Высокого торизма, т. е. старого традиционного консерватизма. Высокий торизм часто находился в противоречии с прогрессивными элементами в консервативных партиях.]

– Эта свинья Рассел, – сказал Виктор, засунув руки глубоко в карманы и что-то припоминая, – У меня от одного его имени кровь закипает.

– Это он умный математик? Или кто-то в этом роде? – спросила Дороти, откусывая нитку.

– Я бы сказал, что он умен в своей области, – признал неохотно Виктор. – Но какое это имеет отношение к делу? Если человек умело управляет с числами, это отнюдь не говорит, что... ну, в другом смысле... Вернемся-ка лучше к тому, о чём я говорил. Почему так получается, что мы не можем привлечь людей в Церковь в нашем регионе? Это все потому, что службы мрачные и нечестивые, в этом всё и дело. Люди хотят богослужение как богослужение, настоящее, католическое богослужение настоящей Католической церкви, той самой Церкви, к которой мы принадлежим. А от нас они этого не получают. Всё, что они получают, это старая протестантская жвачка, а протестантизм мёртв, как трухлявый пень, и все об этом знают.

– Это неправда! – довольно резко парировала Дороти, прижимая третью пуговицу к положенному для неё месту. – Вы знаете, что мы не протестанты. Отец всегда говорит, что Англиканская церковь – это Католическая церковь. Уж и не знаю, сколько проповедей он прочитал об апостольской преемственности. Поэтому-то лорд Покторн, да и многие другие не приходят в нашу церковь. Он только не хочет соединяться с англокатолическим движением, потому что считает, что они слишком привержены ритуализму ради него самого. Да и я тоже так думаю.

– А я и не говорю, что ваш отец не следует доктрине. Очень даже следует. Но если он считает, что мы Католическая церковь, то почему он не проводит службу на католический манер? Просто стыд, что у нас нет благовоний, хоть иногда. А его представление о церковном облачении! Если позволите мне так выразиться, они просто ужасны! В Пасхальное воскресенье он был просто в готической ризе с современным итальянским кружевным стихарём. Да это, черт побери, все равно, что надеть цилиндр с коричневыми сапогами.

– Ну знаете, я и не думала, что церковное облачение так для вас важно, – сказала Дороти. – Я думаю, дух священника, вот что важно, а не то, что он носит.

– Так говорят только первобытные методисты! [28 - Первобытные методисты – представители Христианского течения внутри традиции Методистов, которое началось в Англии в начале 19 века под влиянием американского евангелиста Лоренцо Дау (1777–1834 гг).] – воскликнул с отвращением Виктор. – Несомненно, облачение важно! Да где ж тогда чувство поклонения Богу, если мы не можем как следует выполнить свою работу? Если вы теперь захотите посмотреть, какова может быть настоящая католическая служба, посмотрите на Св. Видекинд в Миллборо! Ей Богу, у них стиль – во всём! И образы Девы Марии, и атрибуты церковных обрядов! Уж и агрессивные протестанты на них три раза наезжали, а епископа они просто игнорируют.

– О! Я видеть не могу, как они проводят службы в Св. Видекинде, – сказала Дороти. – Они слишком тяготеют к католицизму. Из-за облаков благовоний невозможно рассмотреть, что происходит на алтаре. Думаю, таким людям нужно просто перейти в римский католицизм, вот и всё.

– Дорогая моя Дороти! Вам следовало стать нонконформистом. Просто необходимо. Плимутские братья, или Плимутские сёстры, – как-то так они себя называют. Думаю, вашим любимым гимном должен быть номер 567: «О, мой Бог,

я боюсь тебя, Ты в Вышине».[29 - Плимутские братья – консервативная религиозная группа протестантской направленности, образовавшаяся в первой четверти 19 века на территории Англии и Ирландии. Нонконформизм – направление в протестантизме, которое отделилось от Англиканской церкви.]

– А вашим – номер 231. «Каждую ночь ставлю я шатер всё ближе, ближе к Риму», – парировала Дороти, закручивая нитку вокруг четвёртой, последней пуговицы.

Спор продолжался несколько минут, в течение которых Дороти украшала барсучью кавалерийскую шапку (это была её собственная старая черная фетровая шапка школьных времён) плюмажем и ленточками. Стоило им с Виктором остаться вдвоём на какое-то время, как неизбежно возникал спор о «ритуальности». По мнению Дороти, Виктор из тех, кто готов «перейти к римлянам», если на этом пути не будет препятствий, и она была почти права. Хотя сам Виктор ещё не осознал этой вероятности в своей судьбе. В настоящий момент лихорадка, присущая англо-католицизму, с беспрестанными военными действиями на три фронта: против протестантов справа, модернистов слева, и, к сожалению, римских католиков на хвосте, готовых в любой момент дать пинка под зад, – свирепствовала в пределах его ментальных горизонтов. Победить доктора Мэйора на страницах «Чёч Таймса» было для него важнее всех самых серьёзных в его жизни дел. Однако при всей этой церковности, в его природе не было и грамма подлинного благочестия. Привлекала его лишь игра в религиозное противостояние – самая захватывающая из когда-либо изобретенных игр, ибо продолжается она бесконечно, а жульничество в ней допускается лишь в небольших дозах.

– Слава Богу, закончила! – сказала Дороти, покрутила на руке кавалерийскую бобровую шапку и отложила её в сторону. – Но, Господи, сколько ещё нужно сделать! Как хотелось бы мне выбросить из головы эти несчастные ботфорты! Который час, Виктор?

– Почти без пяти час.

– О, Боже! Я должна бежать! Нужно будет приготовить три омлета. Не могу доверить это Эллен. Да вот ещё, Виктор! Не дадите ли вы нам что-нибудь для распродажи? Было б лучше всего, если бы у вас нашлись старые брюки. Мы всегда сможем их продать.

– Брюки? Нет, брюк нет. Но я уже говорил вам, что у меня есть. Экземпляр «Путешествия пилигрима», да ещё «Книга мучеников» Фокса, – давно уж я мечтаю от них избавиться.[30 - «Книга мучеников» Фокса – исторический труд Джона Фокса (1517–1587), повествующий об истории протестантизма. В книге Фокс описывает христианских, в основном, британских мучеников с 37 года до начала 16 века. «Путешествие пилигрима» – речь идёт о знаменитом аллегорическом романе английского писателя Джона Буныяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима в небесную страну». В книге описывается путь исканий человеком Бога, его сомнения, покаяния и процесс духовного роста.] Гадкий протестантский мусор. Моя старая тётя, нонконформистка, отдала их мне... А вам всё это не надоело? Выпрашивать такую мелочь? Вот если бы мы проводили как следует службу в церкви, на католический манер, у нас была бы достойная конгрегация, и тогда бы нам не нужно было...

– Великолепно! – сказала Дороти. – У нас всегда есть прилавок для книг. Берем по пенни за книгу – и почти все они продаются. – Мы во что бы то ни стало должны провести успешную распродажу, Виктор! Я рассчитываю на мисс Мэйфилл – она отдаст нам что-нибудь стоящее. Очень надеюсь, что она отдаст её прекрасный старый чайный сервиз, лоустофт, и мы сможем продать его фунтов за пять, не меньше. Сегодня я всё утро читала особую молитву, чтобы она отдала нам этот сервиз.

– Ох, – произнес Виктор с меньшим, чем обычно энтузиазмом. Как и Проггета сегодня утром, слово «молитва» его смутило. Он готов был говорить весь день напролёт на тему ритуалов, но упоминание о личном аспекте веры он воспринял как слегка непристойное. – Так не забудьте спросить у отца о процессии, – сказал он, возвращаясь к более приятной теме.

– Хорошо, я спрошу. Но вы знаете, что из этого получится. Он только разозлится и скажет, что это римская лихорадка.

– Да чёрт с ней, с римской лихорадкой, – сказал Виктор, который, в отличие от Дороти, не накладывал на себя епитимью за сквернословие.

Дороти поспешила на кухню. Здесь она обнаружила, что для омлета на троих есть только пять яиц, и решила сделать один большой омлет, придав ему объем за счёт холодной картошки, оставшейся со вчерашнего вечера. Прочитав

короткую молитву за успех омлета (учитывая, что омлеты имеют отвратительную склонность разваливаться, когда их выкладываешь из сковороды), она начала взбивать яйца, а Виктор тем временем выезжая на дорогу и полумечтательно-полутоскливо напевая: «Славься, славься, праздничный день», встретил уродливого вида слугу мисс Мэйфилл с двумя туалетными горшками без ручек – дар мисс Мэйфилл к благотворительной распродаже.

§ VI

Было чуть больше десяти. За сегодняшний день много произошло всякого – но ничего особенно важного: обычные рутинные дела в приходе, которые заняли у Дороти весь день и весь вечер. Теперь, как и запланировала в начале дня, она в гостях у мистера Уорбуртона пытается отстаивать свои взгляды в замысловатых спорах, в которых хозяину доставляет удовольствие её запутывать. Они говорят (по правде говоря, мистеру Уорбуртону всегда удаётся направить разговор в это русло) о вопросах религии и веры.

– Дорогая моя Дороти, – мистер Уорбуртон говорил убедительно, прохаживаясь взад и вперед, держа одну руку в кармане брюк, а другой рукой ловко манипулируя бразильской сигарой. – Дорогая моя Дороти, вы же не собираетесь серьёзно утверждать, что в вашем возрасте – двадцать семь, я полагаю – и с вашим умом, вы, в большей или меньшей мере, продолжаете придерживаться религиозных убеждений в целом?

– Конечно собираюсь. И вы знаете, что это так.

– О! Неужели? Вы верите всем этим сказкам? Всей этой ерунде, которой вас научили, когда вы сидели у мамы на коленях? Да нет! Не собираетесь же вы мне доказывать, что вы до сих пор во всё это верите? Конечно же нет! Быть такого не может! Вы боитесь признаться, только и всего. Здесь незачем этого бояться, вы же знаете. Жена сельского декана нас не слышит, а я вас не выдам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Притча 6:9 (Доколе ты, Ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна своего?)

2

N.B. – аббревиатура латинской фразы *nota bene*, означающей «обрати внимание». Используется для выделения важного пункта.

3

Святой Этельстан (около 895–939 гг.) король Англии из Уэссекской династии. Современные историки считают его первым королём Англии и одним из величайших англосаксонских королей.

4

Черный бамбазин – материал, использовавшийся для траурной одежды, но к началу двадцатого столетия вышедший из моды.

5

«О вся зелень на Земле, будь благословенна!» – Из Книги пророка Даниила (3,57-88 и 56).

6

in partibus infidelium (лат.) – среди неверных.

7

Benedictus benedicat (лат.) – Благословен будь (начало молитвы).

8

Баронет – наследственный дворянский титул, средний между титулами высшей знати и низшего дворянства.

9

Низкая церковь (в отличие от Высокой церкви) – в Англиканском богослужении направление, стремящееся минимизировать роль духовенства, таинств и ритуальной части богослужения и придать большее значение евангелическим принципам.

10

Поэма «Иерусалим» – одно из крупных творческих достижений Уильяма Блейка (1757–1827). Однако здесь речь идёт по всей видимости о стихотворении Блейка «Иерусалим», широко известном также как гимн «Новый Иерусалим» с музыкой сэра Хьюберта Парри (1848–1918).

11

Extra ecclesiam nulla salus. (лат.) – Вне Церкви нет спасения.

12

Faux pas (франц.) – неправильный шаг.

13

Anima naturaliter Nonconformistica (лат.) – по своей природе нонконформист.

14

Здесь приведено начало одного из самых знаменитых стихотворений о Лондоне – «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту» (1802 г) английского поэта-романтика Уильяма Водсворта (1770–1850 гг.) в переводе В. Левика.

15

Вилланелла – деревенская песня в неаполитанской манере.

16

Разнылся палец... – шутливое упоминание на сцену из «Макбета» Уильяма Шекспира, где Вторая ведьма произносит фразу: «У меня разнылся палец/ К нам идёт дурной скиталец» (пер. Михаила Лозинского).

... микаберовское лицо. Мистер Микабер – воплощение оптимизма и непрактичности – один из героев романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».

17

Ипсуич – город-порт в Восточной Англии.

18

Блумсбери – фешенебельный квартал в Лондоне.

19

Луcreция – древнеримская героиня, обесчещенная сыном царя Тарквиния.

20

Олеография – вид цветного полиграфического воспроизведения картин, выполненных масляными красками.

21

Такого типа шляпы носили англиканские священники.

22

Диссентеры – протестантские секты, отделившиеся от Англиканской церкви.
Конгрегационализм – радикальная ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию каждой поместной общины (конгрегации). Уэслианин – член Нонконформистской церкви, выросшей из евангелистского движения, начатого Джоном Уэсли.

23

Кираса – элемент исторического нательного защитного снаряжения, состоящий из грудной и спинной пластин, изогнутых в соответствии с анатомической формой груди и спины человека.

24

Р.Д.М. – Рождество Девы Марии.

25

Via media (лат.) – посередине. В философии обозначает умеренность во всём: и в мыслях, и в поступках.

26

Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970 гг) – британский философ, логик, математик и общественный деятель. Известен своими работами в защиту пацифизма, атеизма, либерализма и левых политических течений.

Джулиан Сорелл Хаксли (1887–1975 гг) – английский биолог, эволюционист и гуманист, политик.

Термины англокатолицизм, англиканский католицизм и католическое англиканство относятся к людям, убеждениям и практикам в рамках англиканства, которые подчёркивают католическое наследие и идентичность различных англиканских церквей.

27

Высокие тори – приверженцы Высокого торизма, т. е. старого традиционного консерватизма. Высокий торизм часто находился в противоречии с прогрессивными элементами в консервативных партиях.

28

Первобытные методисты – представители Христианского течения внутри традиции Методистов, которое началось в Англии в начале 19 века под влиянием американского евангелиста Лоренцо Дау (1777–1834 гг).

29

Плимутские братья – консервативная религиозная группа протестантской направленности, образовавшаяся в первой четверти 19 века на территории Англии и Ирландии. Нонконформизм – направление в протестантизме, которое отделилось от Англиканской церкви.

30

«Книга мучеников» Фокса – исторический труд Джона Фокса (1517–1587), повествующий об истории протестантизма. В книге Фокс описывает христианских, в основном, британских мучеников с 37 года до начала 16 века. «Путешествие пилигрима» – речь идёт о знаменитом аллегорическом романе английского писателя Джона Буньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима в небесную страну». В книге описывается путь исканий человеком Бога, его сомнения, покаяния и процесс духовного роста.

Купить: <https://telnovel.com/dzhordzh-oruell/doch-svyaschennika>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)